

20 коп.

В. И. Гринкевич

РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ МЕРЕКЮЛА?

Героическому
подвигу
десантников 260-й
отдельной
бригады
морской
пехоты
посвящается
эта книга

В. И. Гринкевич

**РАЗВЕ МОЖНО ЗАБЫТЬ
МЕРЕКЮЛА?**

Москва
Издательство
политической литературы
1979

Гринкевич В. И.

Г85 Разве можно забыть Мерекюла? — М.: Политиздат, 1979. — 80 с., ил.

Эта книга о малоизвестном героическом эпизоде Великой Отечественной войны — о мерекюльском десанте, сыгравшем важную роль в боях за освобождение Прибалтики в 1944 году. В результате многолетних поисков были собраны документы, записаны рассказы участников и свидетелей событий. Стало возможным проследить путь десанта в тылу врага, узнать о новых подвигах, новых героях.

Автор книги — начальник Музея дважды Краснознаменного Балтийского флота.

В книге использованы совместные публикации А. Бочкова, В. Гринкевича, П. Пушкина в газетах «Молодежь Эстонии» и «Страж Балтики».

Книга рассчитана на массового читателя.

Г 10604—137 БЗ—13—29—79 0505030202
079(02)—79

63.3(2)722.13
9(С)27

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

ПАРОЛЬ—„МЕРЕКЮЛА“

(Вместо предисловия)

В тот год мне довелось часто бывать в Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарве), небольшом поселке в нескольких километрах от города Нарвы. Зима стояла снежная, морозная, и в спокойной тишине прибрежного леса тревожно-долго звучал каждый звук. К огромной ели на берегу залива вела узкая извилистая тропа. На темном стволе могучего дерева хорошо просматривался вырубленный кем-то крест, подобный тем, что и по сей день стоят на старых могильных холмиках. По рассказам местных жителей, именно здесь в предпоследний год войны старый лесник, рискуя жизнью, схоронил одного из безымянных героев Великой Отечественной — советского моряка, участника первого десанта балтийцев в боях за освобождение Советской Эстонии. Так я впервые услышал о мерекюльском десанте.

Естественно, захотелось узнать о нем подробнее, собрать все, что было известно. Да и не мог я не заняться этим серьезно. И не только потому, что в Музее дважды Краснознаменного Балтийского флота, который я возглавляю, об этой странице истории флота материалов практически не было, но и потому, что сам прошел фронтовыми дорогами от Волги до Австрии и память сердца, память друзей требовала и требует, чтобы были восстановлены все грани народного подвига, великого мужества и каждодневного героизма советских воинов.

В двух изданиях нашел лишь небольшие упоминания об этом десанте. Коротко упоминал о десанте в своей книге «Балтийцы наступают» адмирал флота В. Ф. Трибуц, в годы войны командовавший Краснознаменным Балтийским флотом. Более подробно рассказал о нем В. И. Дмитриев в работе «Салют Ленинграда». Автор привлек архивные документы, использовал фонды Центрального военно-морского музея. С опубликованной им фотографии в ок-

ружении рослых, крепких, как на подбор, солдат и офицеров улыбался командир десанта — майор С. П. Маслов. Снимок был сделан на катере, перед выходом из бухты Норе-Капельлахт (Окольная) на северном побережье острова Лавенсари (ныне остров Мощный). Но если о задаче десанта, его подготовке, высадке, а главным образом о действиях группы бронекатеров, бронированных «малых охотников» за подводными лодками и тральщиками, составлявших так называемый отряд высадки (командир — капитан 2-го ранга Г. М. Горбачев), рассказывалось очень подробно, то боевым действиям самого десанта было посвящено чуть больше страницы. О судьбе десантников сообщалось лишь, что линию фронта перешли раненый младший лейтенант А. М. Любимов с двумя бойцами да некоторым из десантников удалось присоединиться к действовавшим в тылу врага партизанам. Вот, собственно, и все, что можно было найти о мерекюльском десанте в литературе.

Десантники под командованием майора Маслова из 260-й бригады морской пехоты честно выполнили свой воинский долг. Но так как связь с ними отсутствовала, то об обстоятельствах боев, по словам Владимира Филипповича Трибуца, можно только догадываться. И на мои расспросы адмирал горестно отвечал:

— Это одна из тайн войны. Тайна тяжелая и суровая. Предстояло раскрыть ее. Но как и с чего начать?

И тут неожиданно в музей пришло письмо. Его прислал ветеран Балтийского флота Михаил Андреевич Пономарев. Оказалось, что он был одним из участников высадки десанта. По собственной инициативе он разыскал двух участников мерекюльских событий, по крохам собрал пусть небольшой, но зато вполне достоверный материал. Письмо Пономарева было настоящей находкой для музея.

Небезынтересна судьба самого автора письма. По комсомольскому призыву в начале 20-х годов пришел он на Балтику. Это был период восстановления флота после гражданской войны. Здесь в 1926 году вступил в партию. Отсюда был откомандирован на партийную работу в Керчь. Трудился не покладая рук в государственных, хозяйственных органах Кольского полуострова, центральных областей России, Сибири. Война вернула его на Балтику. И тут он встретился с масловцами. После войны память о них не давала покоя. Большой, лишенный возможности выезжать из ставшего ему родным Загорска, он вел

обширную переписку, пытаясь пролить хоть немного света на события в Мерекюла. Написал и в газету «Красная звезда».

В переписке с Пономаревым родилась идея организации широкого поиска данных о мерекюльском десанте. В начале 1971 года инициативу Михаила Андреевича Пономарева и Музея дважды Краснознаменного Балтийского флота поддержали редакции газеты «Молодежь Эстонии», органа Центрального Комитета ЛКСМ Эстонии, и ежедневной газеты дважды Краснознаменного Балтийского флота «Страж Балтики». Была объявлена совместная экспедиция под названием «Десант». Начался поиск, к которому подключились отряды красных следопытов ряда школ Эстонской ССР, комсомольские и общественные организации республики, ветераны войны, очевидцы. Мы поставили перед собой и участниками поиска задачи: установить подробности рейда мерекюльского десанта, восстановить имена героев сражений под Нарвой, найти их родных, друзей, однополчан, чтобы суметь как можно полнее рассказать о людях, отдавших жизнь в боях за свободу Родины, за наше с вами счастье. И наконец, мы хотели отыскать всех оставшихся в живых участников десанта, ибо только это давало возможность подлинной реконструкции событий и точного свидетельства о нем.

14 февраля 1971 года газета «Молодежь Эстонии», объявляя поиск материалов о мерекюльском десанте, ввела рубрику под названием «Пароль — «Мерекюла». Десант!». Эту рубрику можно было видеть с тех пор на полосах и других газет. О поиске сообщили «Красная звезда» и «Комсомольская правда». Нам помогали журналисты Москвы и Ленинграда, Калуги и Тулы, Ангарска и Ставрополя, Рязани и Калининграда. Нам помогали сотрудники центральных и местных архивов и музеев, школьники и ветераны, товарищи по оружию и родственники погибших десантников. Географию поиска можно представить только по сухому перечислению республик и областей, которые он охватил. Кроме Эстонии в этом перечне Украина и Белоруссия, Литва и Грузия, Армения и Туркмения, Казахстан, Марийская, Чувашская, Мордовская и Коми АССР и, конечно, почти все края и области РСФСР. Среди героев мерекюльского десанта представители многих народов нашей многонациональной страны.

Менее чем за год были установлены имена всех 517 морских пехотинцев, включенных в состав десанта. Вместе с 52 коммунистами и 95 кандидатами в члены партии

с острова Лавенсари ушли в бессмертие и 213 комсомольцев. Отныне нет для нас неизвестных героев мерекюльско-го десанта, и мы впервые смогли подробно узнать об их подвиге.

Удалось установить имена оставшихся в живых десантников, кроме названного в книге В. И. Дмитриева А. М. Любимова. Это старшина 1-й статьи А. В. Засосов, старший краснофлотец Г. В. Семенкин, краснофлотцы Н. И. Иванов и И. В. Метеуш, старший лейтенант В. С. Ильющенко. Сквозь все муки фашистского плена прошли схваченные в бессознательном состоянии врагами старший лейтенант В. П. Долгих, десантники А. Е. Сычев и Н. В. Сазонов, И. С. Викулов, С. Г. Неумержицкий, Б. И. Пинеев, А. К. Макеев, П. И. Куршаков.

В ходе поиска возникла секция ветеранов морской пехоты, в которую вошли бывший командир роты 260-й отдельной бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота, а ныне инженер Алексей Соколовский, бывший командир отделения бронбойщиков бригады Виктор Маамяги, ныне академик, вице-президент Академии наук ЭССР, член ЦК КП Эстонии; офицер запаса Василий Карауш, прошедший боевой путь в разведке 260-й ОБМП, бывшая медсестра Ольга Соколовская — педагог 19-й средней школы Таллина и многие другие. Именно они выступили в октябре 1971 года с предложением увековечить память героев.

Экспедиция «Десант» проходила под непосредственным руководством Центрального Комитета комсомола Эстонии и созданного им республиканского штаба походов молодежи «Знай свою Родину».

Неоднократно в ЦК ЛКСМ Эстонии собирались корреспонденты телевидения, радио и республиканских газет, а также герои-десантники, ветераны 260-й отдельной бригады морской пехоты, организаторы поиска. Здесь проходили пресс-конференции, подводились итоги, оценивались результаты.

Секретари ЦК комсомола Индрек Тооме, Александр Доронин и другие товарищи постоянно интересовались ходом экспедиции, оказывали поддержку в проведении встреч молодежи с участниками героических боев.

Начиная с февраля 1971 года и по май 1972 года вся республика следила за публиковавшимися материалами о десанте.

Газета «Молодежь Эстонии» в то время приобрела тысячи новых читателей.

Рабочие и труженики села, учащая молодежь, воины Таллинского гарнизона, партийные, советские и комсомольские организации всячески помогали успешно завершить начатое дело — сделать достоянием народа подвиг героического десанта, увековечить его в памяти поколений.

Весной 1972 года инициаторов поиска пригласили в ЦК Компартии Эстонии.

Откровенно говоря, мне, кадровому флотскому офицеру, никогда раньше не приходилось присутствовать на таких заседаниях. Понятно мое волнение. Мысленно пытаюсь анализировать все моменты, связанные с поиском, я не находил ничего такого, что могло бы привлечь внимание Центрального Комитета, и даже решил для себя, что вызвали нас по иному вопросу.

Но именно о поиске, связанном с мерекюльским десантом, и состоялся в тот день на столь высоком уровне весьма обстоятельный разговор.

Выступавшие были единодушны в том, что организаторам поиска удалось собрать большой материал, достаточно ярко освещающий малоизвестный эпизод минувшей войны. Появилась возможность по-настоящему оценить роль и значение этого боевого десанта, честно выполнившего поставленную перед ним задачу. Достоянием народа стали новые примеры неггибаемого мужества и массового героизма балтийских моряков, павших в боях с фашизмом на территории Эстонии.

Шла речь там и о важном значении поиска в деле воспитания патриотических чувств у подрастающего поколения.

Говорилось и о том, что предстояло еще сделать.

Участников совещания познакомили с проектом памятника морским десантникам.

Словом, работа по поиску нашла одобрение в Центральном Комитете Коммунистической партии республики. С этого заседания я и мои товарищи уходили окрыленными.

Тогда же и родилась у меня мысль рассказать подробнее о славном десанте масловцев, о днях подготовки десантников, о действиях отряда высадки, о бое на берегу залива и героических делах морских пехотинцев во вражеском тылу. Мне захотелось, чтобы как можно больше людей узнало бы и полюбило этих славных, скромных в жизни и безудержно храбрых сынов нашей великой Родины.

ны, отдавших за ее честь и свободу самое дорогое, что есть у человека, — жизнь.

Все время, пока я работал над этой книгой, мне приходили на память прекрасные слова Юло Туулика, эстонского писателя, лауреата премии Юхана Смуула и премии Ленинского комсомола республики, который говорил: «Если уж ты пишешь о жизни и смерти, о совести и патриотизме, то не имеешь права ни в одной детали ошибиться, приукрасить, недоговорить...»

В этой книге нет придуманных событий. Все имена героев — и живых и павших — подлинные.

Собранные по крупицам подробности, факты и эпизоды проверены и перепроверены в ходе поиска, в котором автор принимал непосредственное участие. Они не нуждались ни в каком приукрашивании. Подлинны и фотографии. Часть их взята из архивов и музеев страны, часть любезно предоставлена родственниками героев, а также бывшим военным фотокорреспондентом, ныне кинооператором Ленинградского телевидения Л. И. Коровиным, которому довелось снимать 13 февраля 1944 года на Лавенсари десант С. П. Маслова перед самым выходом его в море.

С открытием памятника в Мерекюла завершилась совместная экспедиция газет «Молодежь Эстонии» и «Страж Балтики». Однако поиск продолжается.

Приношу искреннюю признательность всем, кто по зову доброго сердца участвовал в поиске следов мерекюльского десанта, и среди них товарищам М. З. Бабушкину, А. Я. Бочкову, В. Н. Борисовой, Н. Г. Ваганову, М. П. Заболотному, Т. М. Зубову, Н. А. Колеватову, Л. Г. Калининой, Л. И. Коровину, В. А. Маамяги, О. Н. Мамотко, М. А. Пономареву, П. А. Пушкину, А. И. Сафроновой, А. Н. и О. Н. Соколовским, В. В. Чукиной и другим.

С. П. Маслов

Д. П. Саньков

В. А. Малков

И. И. Голубев

Г. К. Кузнецов

М. Е. Давитая

С. В. Мерцалов

Г. В. Семенкин

НАРВСКИЙ РУБЕЖ. ФЕВРАЛЬ 1944 ГОДА

В январе 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов обрушили сокрушительный удар на немецко-фашистскую группу армий «Север». Сняв мощную оборону гитлеровцев, они не только прорвали вражескую блокаду героического Ленинграда, но и окружили и уничтожили группировку, находившуюся в районе Петергофа и Стрельны. Судьба немецко-фашистских войск под Ленинградом была решена. Под натиском советских войск фашисты стремительно откатывались на запад. За две недели наступления были полностью освобождены Ленинградская и Новгородская области, а также часть Псковской.

Вдоль южного побережья Финского залива наступали соединения 2-й ударной армии под командованием генерал-лейтенанта И. И. Федюнинского. 3 февраля они вышли к реке Нарове почти на всем ее протяжении от Нарвского залива до Чудского озера. Здесь гитлеровцы создали мощные укрепленные позиции.

Сама природа, казалось, подготовила этот участок для обороны. С севера — воды Нарвского залива, с юга — Чудское озеро. Между ними перешеек шириной 50—60 километров. С востока его обрамляет полноводная река Нарова, с запада — Синие горы. Вот почему именно здесь гитлеровцы заранее, еще с 1943 года, стали строить укрепления, назвав этот мощный оборонительный вал «Танненберг», в честь города в Восточной Пруссии, превращенного германской военщиной в милитаристский мемориальный и пропагандистский центр. Танненберг, по их представлению, символизировал непобедимость прусского духа и оружия. Однако претенциозность эта была явно несостоятельна. Ведь еще в 1410 году польские, литовские и русский полки наголову разбили под Танненбергом (у Грюнвальда) войска Тевтонского ордена, надолго отбив у немецких феодалов охоту к походам на Восток.

Укрепления «Танненберга» сочетались с оборонительной линией, названной «Пантера». Она протянулась вдоль реки Наровы, западного берега Чудского озера и далее на юг по реке Великой. Все это вместе составляло единую, глубоко эшелонированную систему обороны, которую гитлеровцы считали неприступной.

Система состояла из трех полос и простиралась на глубину в 25—30 километров. Развитая сеть траншей с пуле-

метными площадками пересекала Нарвский перешеек от моря до Чудского озера. На опасных направлениях гитлеровцы построили большое число дзотов и установили бронированные колпаки для пулеметных точек. Перед передним краем были установлены ряды проволочных заграждений и минные поля. На южном фланге в болотистой местности огневые точки находились в специально сооруженных дерево-земляных валах, блиндажи и командные пункты были упрятаны в землю на 7—8 метров.

Сюда стягиваются отборные формирования гитлеровцев. 4 февраля на базе 54-го армейского корпуса создается специальная оперативная группа «Шпонхаймер» под командованием генерал-лейтенанта Берлина. Укрепления «Танненберга» и «Пантеры» занимают танковые и механизированные соединения эсэсовцев, которые противник снял с других участков советско-германского фронта и перебросил из оккупированных стран Западной и Северной Европы.

То, что противник попытается удержать рубеж реки Наровы в своих руках, чтобы не пустить Советскую Армию в Прибалтику, стало ясно еще в конце января, когда наступающие войска Ленинградского фронта встретили ожесточенное сопротивление врага на реке Луге, у города Кингисеппа. Учитывая это, командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров поставил перед командующим 2-й ударной армией И. И. Федюнинским задачу: с ходу форсировать реку Нарову и захватить на ее западном берегу плацдарм. Командующему Краснознаменным Балтийским флотом адмиралу В. Ф. Трибуцу предписывалось подготовить высадку десанта с моря в тыл врага западнее Нарвы, чтобы помочь войскам 2-й ударной армии успешно преодолеть эту мощную водную преграду.

Однако в первых числах февраля, казалось, нужды в десанте не будет. Солдатам 2-й ударной армии удалось буквально на плечах врага переправиться через реку и захватить плацдармы южнее и севернее города Нарвы.

«Пантера» затрещала сразу в нескольких местах.

Такой оборот встревожил командование «третьего рейха». Посыпались приказы об удержании нарвского рубежа. «Нарва — северные ворота в Восточную Пруссию, — подчеркивалось в них. — По реке Нарове проходит граница Германии».

Гитлеровская газета «Ревалер цейтунг» от 22 февраля 1944 года объясняла то чрезвычайное значение, ко-

торое придавалось нарвскому рубежу, следующим образом:

«...Если раньше имя «Нарва» звучало для мира только как символ прошлого, то происходящее сейчас сражение на восточных границах Эстонии дает возможность увидеть его значение в настоящем. Теперь не требуется больше перелистывать страницы истории, чтобы оценить значение этого города как барьера между безграничным Востоком и европейским Западом». Для поднятия морального и боевого духа газета считала нужным добавить, что 18-я армия гитлеровцев, на долю которой выпали бои в районе Новгорода, Луги и Гатчины, «создала на участке между Наровой и Чудским озером железный барьер, его большевикам преодолеть не удастся».

Только через десять дней, в течение которых не стихали ожесточенные кровопролитные бои, фашистской 18-й армии удалось ликвидировать наш плацдарм севернее города. Гитлеровцы прочно обосновались в Нарве и Иван-городе, предпринимая отчаянные попытки к достижению своей главной цели на данном участке: уничтожению южного плацдарма. Однако здесь советские войска, преодолевая вражеское сопротивление, шаг за шагом обходили Нарву с юга.

Непрерывно контратакуя, фашисты стремились не допустить советских солдат к шоссе и железной дороге, единственным путям сообщения, связывающим Нарву с Таллином. В случае блокады этих коммуникаций падение Нарвы было неизбежно. Это понимали все.

Развернулось упорное сражение, накал которого возрастал с каждым днем. Бои шли в низинной болотистой местности (где сейчас раскинулось водохранилище Нарвской ГРЭС) за каждый хутор, перелесок, рубеж.

Отсутствие дорог затрудняло маневр наступающих войск. Всякое движение днем вызывало немедленный огонь артиллерии и минометов врага: плацдарм простреливался во всех направлениях.

Гитлеровцы неоднократно пытались проникнуть по топям к нашим переправам через реку и уничтожить их.

Тем не менее соединения 2-й ударной армии все же смогли расширить плацдарм по фронту на 18 километров и в глубину на 15 километров. Своим острием он упирался в населенный пункт Аувере. Отсюда до железной дороги Таллин — Нарва всего 3—4 километра, как говорится, рукой подать, а до берега Нарвского залива оставалось чуть больше десяти.

Здесь, в районе Аувере, обозначилось уязвимое место «Танненберга». Удар по тылу противника с берега Нарвского залива в направлении Аувере, самой «болевого точки» этого участка фронта, сулил немалые выгоды. Советское командование разработало соответствующий план. Суть его заключалась в высадке морского десанта. Осуществить эту смелую операцию предстояло морским пехотинцам Краснознаменного Балтийского флота. Выбор пал на автоматный батальон 260-й отдельной бригады морской пехоты, который стоял тогда в Кронштадте.

ДЕСАНТНИКИ

Бойцов десантного батальона майора С. П. Маслова в 260-й отдельной бригаде морской пехоты отличали по значку парашютиста на груди да еще по флотской молодцеватости. Про таких в народе говорят: «Парни как на подбор». Молодые, бодрые, физически крепкие, спаянные в боевой коллектив, они выглядели так, что, казалось, любая задача им по плечу.

Большинство из них прошли суровую школу непрерывных боев. Одни с первых дней войны сражались на Моонзундских островах и полуострове Ханко, защищали Таллин, остров Осмуссаар; другие сражались под Лугой, Пулковом и Невской Дубровкой. Собранные в один батальон, они стали побратимами, породненными единством цели и безграничной любовью к Родине.

Сформировался батальон в начале 1942 года в Ленинградской области. Костяк составил отряд моряков-автоматчиков, прибывших с Ханко. В свое время об этом отряде добровольцев, которым командовал морской артиллерист — легендарный герой Ханко капитан Б. М. Гранин, знали многие. В тяжелом 1941 году именно Ханко являлся тем участком огромного советско-германского фронта, где фашистам не удалось продвинуться ни на шаг. Наоборот, моряки-ханковцы сами захватили у неприятеля 18 островов. В этих дерзких операциях и прославился отряд капитана Гранина. Когда гранинцы стали основой нового формирования — батальона парашютистов, командир вернулся в родную ему морскую артиллерию.

Батальон возглавил майор Степан Петрович Маслов, также участник обороны Ханко. Гранинцев он принял под свое командование с радостью. Новое же пополнение комбат отбирал лично, с глазу на глаз беседуя с каждым бой-

цом и безошибочно определяя, годен или не годен собеседник для десантного батальона.

Парашютное дело комбат знал досконально. Еще в середине 30-х годов лейтенант Маслов стал помощником командира роты формируемой воздушно-десантной бригады. Этот новый род войск только зарождался. Ни у кого опыта не было. Молодой командир с охотой и старанием осваивал новую, сложную профессию десантника. Прыгал с парашютом. Со временем научился искусству десантирования ночью, с различных высот, в любых погодных условиях. Его заметили. Он стал командиром роты, коммунисты приняли его в свои ряды.

Всякое новое дело кажется особенно сложным. Бывшему саперу мастерство десантника давалось тоже нелегко. Побеждали упорство и настойчивость да еще трудолюбие, которому он приучился с детства. А оно не баловало Степана.

Рано лишившись отца, он с 13 лет батрачил на местных кулаков. В 18 лет Маслов ушел из родного дома. Сначала рубил лес на станции Тосно, а затем плотничал в Саблине (под Ленинградом). Вечерами учился, много читал. Свою дорогу в жизни прокладывал сам.

В октябре 1930 года Маслова призвали в армию. Военная жизнь своим порядком и четкостью полюбилась ему. После первого же года службы он подал рапорт с просьбой направить его на учебу в военное училище. Окончив в 1934 году Киевскую объединенную военную школу, С. П. Маслов стал командиром саперного взвода. Вскоре он получил назначение в воздушно-десантные войска.

Тревожное это было время. Уже полыхало пламя войны в разных уголках земного шара. Подстрекаемые мюнхенскими миротворцами, фашисты перекраивали карту Европы. Непокорно стало и у границ нашей Родины. Вскоре начался советско-финляндский конфликт. Старший лейтенант Маслов добивается назначения на фронт. В должности начальника штаба 124-го отдельного инженерного батальона Краснознаменного Балтийского флота он получает боевое крещение. За отличие в боях Маслову досрочно присваивается звание капитана. В характеристике, подписанной командиром батальона 13 апреля 1940 года, отмечаются его волевые качества, энергия, решительность, инициативность и организаторские способности. Особо была подчеркнута весьма хорошая практическая и специальная подготовка молодого капитана.

После окончания советско-финляндского конфликта батальон, в котором служил Маслов, дислоцировался на полуострове Ханко. Саперы строили укрепления, устанавливали морские дальнобойные артиллерийские батареи, вырубали в скалах складские помещения, лазареты, командные пункты. Нужно было спешить — грозовые тучи войны уже нависли над нашей Отчизной.

Начальника штаба видели на всех участках стройки. Его знали и любили за умение быстро решать сложные вопросы, за общительность и веселый нрав.

Вскоре на Ханко из Смоленщины переехала и семья Маслова. 27 марта 1941 года родился мальчик. Так как событие это совпало с днем рождения С. М. Кирова, сына назвали Сергеем. Счастливые родители и не подозревали, что менее чем через три месяца в их жизнь, как и в жизнь всех советских людей, ворвется война.

15 июня 1941 года Маслов с семьей уехал в отпуск к родным. В первый же день войны он уже в своей части. Сколько детей, подобно Сергею Маслову, выросли, так и не успев ощутить тепла сильных отцовских рук! В жестоком бою отстаивали их отцы свободу и честь Родины, жизнь и счастье советских людей, все достижения человечества, саму цивилизацию от варварства и дикости фашизма. Это было их долгом, стало их назначением, их отцовской заботой о будущем детей своих.

29 августа 1941 года С. П. Маслов писал сестрам в Ленинград: «Я жив-здоров. Живу на войне. Фашистов бьем так, как положено бить балтийцам... То, что потребуется от нас, мы будем выполнять с честью». Жене просил передать: «Пусть не волнуется... После победы все найдем — и жизнь, и веселье, а сейчас нужно все отдать для того, чтобы разгромить заклятого врага». Таков был комбат десантников.

А сами десантники в большинстве своем были так молоды, что им вообще не довелось испытать счастья семейной жизни. Для родившихся в 1920—1924 годах судьба уготовила тяжкое испытание: они стали обстрелянными солдатами, с солидным опытом и стажем боев за плечами, раньше, чем успели познать отцовство.

Рассказ о десанниках был бы неполным, если бы мы особо не отметили того обстоятельства, что в числе десантников было восемь девушек. Вместе с мужчинами они несли все тяготы войны, вместе с ними готовились к операции, с ними ушли на задание. Это радистки Лида Архипова, Жена Титлинова, Лида Жигалова, Хина Ламм, Аня

Торощина, Аня Устюжанина, санитарки Ирина Можайская и Надя Ковалевская. Только одной из них — Ане Устюжаниной, уроженке Кировской области, — довелось вернуться на Лавенсари. При высадке она была ранена и доставлена обратно на остров.

Непосредственно перед высадкой комсомолка Лида Жигалова писала: «Если умру, то за Родину, за освобождение своего народа». Ефрейтор Жена Титлинова клялась: «Отомщу за все злодеяния, которые принесли враги советскому народу. Я приложу все силы, все умение для выполнения боевого задания».

И еще одна немаловажная деталь: состав батальона — подлинно интернациональный. В его рядах плечом к плечу стояли представители 18 национальностей нашей великой Отчизны. Здесь были русские и украинцы, белорусы и грузины, армяне и латыши, татары и чуваша, бойцы других национальностей.

Всех их сплачивала в одно целое не только воинская дисциплина. Большую работу вела партийная организация части, в частности, замполит капитан Д. П. Саньков. Коммунистом был каждый третий в батальоне, комсомольцем — каждый второй. Когда вернувшиеся после высадки десанта катера доставили на Лавенсари часть раненых и убитых, в окровавленной сумке парторга 3-й роты главстаршины С. Г. Ляшко обнаружили 26 листов, пропитанных кровью. Это были заявления десантников, написанные ими ночью на обледенелой палубе во время перехода к месту высадки. Каждое из них либо начиналось, либо заканчивалось словами: «Прошу считать меня коммунистом!»

Мне довелось спустя 28 лет после описываемых событий держать в руках папку с этими аккуратно подшитыми листками. Происходило это в Центральном военно-морском архиве в Гатчине. Внешне эта папка ничем не отличалась от других. И все же она была особой. Она доносила до нас живые голоса масловцев, их стремление к победе, их душевный порыв, их любовь к Родине, к великой партии Ленина. Пока я читал собранные в ней материалы, какой-то жгучий ком стоял в горле. Было нестерпимо жарко. Билось сердце, не в силах справиться с лавиной чувств, охвативших меня.

«Прошу считать меня коммунистом. Не пожалей жизни для достижения полной победы над врагом. Хочу идти в бой членом партии. Комсомолец Гудков. 13.02.44 г.». И вновь: «Прошу считать меня коммунистом. Освобождая

братьев, сестер, отцов и матерей, клянусь бить врагов беспощадно. В. Васильев, ст. краснофлотец».

Вот измятая листовка с оторванным углом, на полях которой торопливо записано: «Моя жизнь принадлежит Родине. Клянусь не посрамить советской земли и честь родной Балтики! Я даю эту клятву с уверенностью, что вполне ее, отомщу за своих родных, которые находятся в оккупации. Мл. серж. Чабанов Ив.»

Не вернулся с войны в родную деревню Помарена, что на Николаевщине, Иван Маркович Чабанов. Но земляки-односельчане должны знать, какие мысли вели в бой коммуниста Чабанова и что погиб он как герой на заснеженном берегу Нарвского залива.

А вот коллективная клятва: «Мы, бойцы автоматного батальона 260-й бригады моряков-балтийцев, погибает только героями, но прежде чем погибнуть, мы докажем преданность нашей Родине! Если погибнем, то наши имена все равно будут существовать... и наши братья по оружию будут брать пример с нас! Мл. сержант Орлов Григорий, пом. ком. взвода Ляшко, автоматчики Стрельников, Влад. Степан, Титов, Хандогин, Божинов, Громов, Чеби-ков». Одна подпись неразборчива.

Еще один документ. «Клянемся в предстоящем бою драться умело, по-балтийски. Не пожалеем сил и жизни для победы за независимость Родины. Барсуков, Белов, Шабанов, Кисунин, Ефремов». А в верхней части: «Отомщу за страдания и муки Ленинграда, клянусь, что не опозорю имя батальона. Краснофлотец Богданов А. П.»

Работники политотдела на Лавенсари сохранили эти бесценные реликвии войны. Они не только волнуют наших современников, они будут волновать и наших потомков.

Командиры рот батальона были в основном из 124-го отдельного инженерного. С. П. Маслов хорошо знал их по войне на Карельском перешейке и на Ханко и лично пригласил для службы в десантных частях. Все командиры взводов были коммунистами или комсомольцами, имели высшее или среднее специальное образование, успели пройти суровую школу боев.

Краткие выписки из сохранившихся писем, дневников и других документов, принадлежавших этим людям, помогут читателю составить окончательное мнение о людях десантного батальона.

Выдержки из писем лейтенанта И. И. Голубева¹

Письмо от 7 февраля 1942 года: «Выйдешь ночью куда-нибудь подальше, снег хрустит и поскрипывает под лыжами, воздух крепкий, морозный, дух захватывает, но бодрит достаточно сильно. Деревья покрыты инеем (я, вы знаете, далеко не поэт, но не могу удержаться от описания этих прелестей русской зимы) и при свете луны действительно принимают сказочный вид. А над всем этим яркие, большие звезды, весьма равнодушно смотрящие вниз. Ведь это те самые звезды, на которые с такой надеждой смотрели волхвы, ожидая спасения мира, и в равной степени, с не меньшим трепетом, глядят другие, ожидая своей гибели. Справедливо говорят, что теперь человечество обращает свои полные надеждой взоры на звезды Кремля, ожидая освобождения мира...»

Письмо от 14 августа 1942 года: «Каждый день убеждает меня в том, что нужно полное самоотречение каждого. Иначе не может быть победы. В том, что мы все хотим победы, никто не сомневается.

...На днях принял командование более крупным подразделением. Не люди, а орлы! И на остров, и на бережок бросаются как вихрь! В воде чувствуют себя как рыбы. Хорошо ребята!»

Когда Иннокентий Иванович получил весть о гибели младшего брата Сергея — танкиста, он писал в письме от 7 октября 1943 года: «Сергей несомненно герой. Иногда я его себе никогда и не мыслил. Русский человек и патриот. Идти на таран танком на танк, зажечь вражескую машину собой!!!

Перед такими поступками померкнут старые мифы о прометеях и сцеволах. О современных боях будут слагаться легенды и мифы...»

Вот последнее письмо Иннокентия Голубева из Кронштадта от 2 февраля 1944 года. В нем он прощался с сестрой, подбадривал, желал успехов. Но делал это скупно, торопливо:

«Во всяком случае, возможно, увидимся и более подробно сможем поговорить обо всем. Я жив, а всякий живой

¹ Командир автоматного взвода 3-й роты лейтенант Иннокентий Иванович Голубев, 1912 года рождения, член Коммунистической партии, по профессии инженер-гидрограф, уроженец города Благовещенска. Его сестра, Анна Ивановна Голубова, проживающая в настоящее время в городе Джалал-Абаде, сохранила фронтальные письма брата и разрешила автору их цитировать.

должен иметь надежду жить и в будущем. Но если что-либо со мной и случится, то очень всех вас прошу не особенно этим удручаться, ибо ни одно великое дело не может быть без жертв».

Записи в дневнике лейтенанта Г. К. Кузнецова¹

От 27 декабря 1941 года: «Восхищен я нашими ленинградцами. Они прошли сквозь тяжелые моменты блокады... Наш город все так же крепок и крепко хранит старые традиции: «Умрем, но не сдадимся!»

Из истории татарского нашествия: город Козельск — «злой город», — сказал о нем Батый.

«Город горячих сердец, любящих свою честь и свободу!» — можно так сказать о городе Ленина и ленинградцах».

От 2 февраля 1942 года: «Скорей бы кончить курсы и на фронт бить этих гадов, бить так, чтобы они помнили, если останется кто-либо из них в живых...»

От 15 мая 1942 года: «Моя дорогая! Я любил тебя всю нашу жизнь. Эта любовь согревала меня во время финской войны и теперь. В тяжелые минуты твоя любовь меня поддерживала. И теперь, ожидая назначения в часть, я понесу с собой твою любовь ко мне как знамя, как символ, за что мне биться. Я буду биться за счастье и любовь на нашей родной земле».

От 26 марта 1943 года: «Много времени прошло с тех пор, как я сделал последнюю запись. Жизнь моя переменялась: раньше учили меня, теперь учу я. После нескольких месяцев нахождения в саперной роте к нам прибыло молодое пополнение, и мне было оказано доверие, и я стал командиром молодежного взвода. Временами бывало очень трудно и тяжело, но все же обучил ребят, и наконец был получен долгожданный приказ, и всю зиму 1942/43 года мои соколы выполняли боевое задание, возмужали, окрепли, многие награждены».

¹ Командир саперной роты лейтенант Григорий Константинович Кузнецов, 1909 года рождения, член Коммунистической партии, по профессии инженер-геолог, уроженец Ленинграда, добровольно ушел на фронт, за боевые действия под Петергофом в январе 1944 года награжден орденом Красной Звезды. Его жена, Раиса Львовна Кузнецова, вместе с детьми эвакуировалась из Ленинграда в Самарканд, а когда возвратилась домой, то обнаружила дневник мужа, в котором он делал записи, когда учился на курсах офицеров в Ленинграде и когда служил в Кронштадте.

Из последней записи от 26 сентября 1943 года: «Воскресенье. Еще несколько часов, и поезд уводит меня обратно. Снова буксир, и я опять у себя в Кронштадте. Не знаю, в чем дело, но у меня такое чувство, что скоро и наш черед идти в бой. Куда мы направим свой удар — не знаю, но хочется, чтобы скорее этот час наступил...»

Вот строки из письма, отправленного им за две недели до высадки десанта: «...Настроение у меня паршивое. Мои товарищи бьют немца, гонят из-под Ленинграда, а я? Я только смог побывать в Петергофе и Ропше и снова сижу в теплой квартире (речь идет о Кронштадте. — В. Г.) и завидую товарищам, которые дальше гонят немца с нашей земли. Вот почему у меня такое настроение. Раюсия! Я написал — Петергоф, только след остался от бывшего Петергофа, от его фонтанов. Дворцы, где люди ступали на цыпочках, боясь нарушить тишину, — от этих дворцов остались лишь голые полуразрушенные стены. По всему Петергофу тянутся следы пребывания немцев: здесь разрушенный фонтан, там злобно разрушенный Монплеизир! У меня нет слов, чтобы описать всю эту картину! Парк! Ты не раз там бывала... нет этого парка, — спилена на дрова и земляники. Словом, родная, настроение, глядя на все, довольно паршивое. Хочется бить самому фрицев, а мне редко выпадает такая удача».

Письма эти не требуют комментариев. За годы войны десантники хорошо познали звериную натуру фашизма, и души их переполняла испепеляющая ненависть к врагу.

Автоматчики Маслова несли охрану Кронштадта в составе бригады морской пехоты. В суровую зиму 1941/42 года они отразили не одну попытку вражеских диверсионных групп проникнуть в блокированный Ленинград и в Кронштадт со стороны Петергофа. С осени 1942 года батальон усиленно готовился к предстоящим боевым операциям. Бойцы и командиры прыгали с парашютами с самолетов, отрабатывали правила маскировки, разведки, совершенствовались в практике рукопашного боя и высадки десанта.

Летом 1943 года в одной из областей, где находилась учебная база, приходилось десантникам в редкие свободные часы работать, по словам бывшего масловца мичмана запаса С. Демичева, и на полях, «чтобы помочь женщинам в уборке урожая. Мужчин в деревне, кроме стариков и детей, никого не оставалось».

Служба в Кронштадте была нелегкой. Непрерывные обстрелы вражеской артиллерии, налеты авиации, регу-

лярные дозоры и боевое охранение на льду залива требовали большого напряжения сил. Ходили и в ночные вылазки в тыл к врагу за «языком», и просто «навести шум». Но все это было не то.

Моряки рвались в настоящее дело, в большой бой. И вот теперь он предстоял.

ПРИКАЗ НА ВЫСАДКУ

Во второй половине дня 2 февраля 1944 года на плацу Западных казарм Кронштадта выстроилась вся бригада морской пехоты.

В голове строя, в белых полушубках и ватных бушлатах, с полным вооружением и вещевыми мешками за спиной, стояли уходившие в десант подразделения¹.

Перед бойцами выступил командир бригады генерал-майор И. Н. Кузьмичев. Он взволнованно говорил:

— Товарищи морские пехотинцы! Поклянемся, что любой ценой отлично выполним священный долг перед Родиной... Фашист боится русской морской пехоты и ее личного натиска. Будьте смелыми и отважными в бою! Мстите фашистским извергам за страдания и кровь советских людей, за сожженные города и села, за наших истрадавшихся матерей, отцов, жен и детей!

Последние объятия друзей — и батальон в сопровождении оркестра, чеканя шаг, двинулся к порту. Десантникам предстояло сначала совершить переход на остров Лавенсари, где в период блокады Ленинграда размещался самый западный гарнизон Краснознаменного Балтийского флота — Островная военно-морская база. Для этого предназна-

¹ Батальону автоматчиков придавалась стрелковая рота под командованием старшего лейтенанта Ф. П. Заволокина (она имела в десанте — 4-я рота). Кроме того, взвод автоматчиков из 1-го батальона бригады, взвод разведки, взвод саперов, взвод противотанковых ружей, санитарная часть, связисты и др. Все эти подразделения и люди были выделены из состава 260-й отдельной бригады морской пехоты и вместе с батальоном автоматчиков майора Маслова насчитывали 516 человек. Тем не менее в книге употребляется одно понятие — батальон майора Маслова. Это справедливо, ибо все бойцы сражались одинаково героически и мужественно, все они вместе разделили выпавшую на их долю судьбу. Но если бойцы парашютного батальона автоматчиков были хорошо знакомы друг с другом и могли узнать товарища по силуэту, походке, голосу, то других десантников они знали слабо, не успев даже запомнить их фамилий. Поэтому в книге встречаются такие понятия, как «сапер», «радиот», «разведчик», а то и просто «боец», без указания имени и фамилии.

чались канонерские лодки «Москва», «Амгунь» и «Волга». Посадку произвели быстро и слаженно.

Около 18 часов канонерки в сопровождении тральщиков и буксиров покинули Кронштадтскую гавань. Они двигались медленно, пробивая форштетвными смерзшими льды на фарватере. Очертания Кронштадта постепенно растворялись в вечерней морозной дымке.

И вдруг десантники увидели, как рядом со следом, оставленным кораблями во льду, бежит человек, размахивая руками. Корабли застопорили ход, и вскоре на палубу поднялся запыхавшийся боец Григорий Ворона. Его в батальоне знал каждый десантник. Шестой год служил он на флоте. Зимой 1939/40 года воевал с белофиннами, потом, в 1941-м, сражался на полуострове Ханко, где в составе граничного отряда не раз ходил в десант на вражеские острова. Прошел сквозь кровавые атаки на левом берегу Невы под Невской Дубровкой. Был ранен. Синий рубцеватый шрам пересекал его лицо от брови до нижней челюсти.

Выяснилось, что Григорий во время посадки на корабль решил незаметно отлучиться на несколько минут, чтобы попрощаться с любимой девушкой, да не рассчитал времени, задержался. Пришлось по льду догонять корабль. Не мог же он отстать от своих!

Этот эпизод не на шутку взволновал начальника штаба автоматного батальона старшего лейтенанта В. А. Малкова. Он сам лично считал десантников при посадке на корабль. Все было по штату, все правильно. Теперь появился лишний человек! Кто? Зачем?

Потребовали докладов от ротных командиров. Вопрос не прояснился. Только на Лавенсари, спустя два дня, явился к комбату старшина 1-й статьи Александр Васильевич Засосов.

— Зачислите в роту, товарищ майор. Надоело быть «зайцем». — И рассказал «бате», как звали десантники Маслова, все.

А дело было так. Кто-то из писарей в штабе бригады морской пехоты вычитал из послужной карточки, что Засосов раньше служил на боевых кораблях. В то время пришел строгий приказ, за выполнением которого следили особенно внимательно: вернуть на корабли специалистов. Флоту предстояло идти на запад. Вот и списали автоматчика Засосова в учебный отряд на переподготовку. Тяжко было расставаться с друзьями-десантниками, но приказ есть приказ. Так Засосов покинул автоматный батальон и ока-

зался в электромеханической школе. А через четыре дня он узнал, что его родной батальон срочно уходит на важную боевую операцию. Обожгла мысль: надо проститься с ребятами!

Засосов нашел батальон на пирсе — шла погрузка на корабли. Флотская душа наполнилась обидой.

— Ребята идут на горячее дело, а я остаюсь! Да это же невозможно!

Бросился он к командиру бригады генерал-майору Кузьмичеву. Обратился, как положено, по уставу. Генерал отказал. Как ни молил, как ни просил, ничего не вышло. Оставался единственный выход: уйти с ребятами в десант самовольно.

Знал коммунист Засосов, что делать этого нельзя, что хватятся его в учебном отряде, начнут искать, объявят дезертиром... Но успокаивала мысль, что не на гулянку сбежал, а в десант, в самое пекло войны. Вместе со своим закадычным другом Сергеем Мерцаловым, который командовал взводом автоматчиков-десантников, достали каску, полушубок, вещмешок, и Засосов, смешавшись с бойцами, гуськом поднимавшимися по трапу, очутился на палубе корабля. У трапа стоял начальник штаба батальона старший лейтенант В. А. Малков и считал проходивших десантников. Когда посадка закончилась, Малков доложил комбату, а последний — генералу Кузьмичеву, что все 516 человек десантников на кораблях и готовы следовать на Лавенсари. Таким образом Засосов, сам того не ведая, заменил Григория Ворону, прощавшегося в это время с девушкой. А когда Григорий догнал корабль, десантников стало на одного больше.

Маслов знал Засосова не один год. Он понял его состояние. Так старшина 1-й статьи Александр Засосов стал рядовым автоматчиком во взводе Мерцалова.

На Лавенсари десантников встречал контр-адмирал Г. В. Жуков. Он командовал Островной военно-морской базой и был известен как герой обороны Одессы в 1941 году.

— Хороши орлы у тебя, Степан Петрович! — сказал Жуков комбату, когда десантники после построения на причале дружно ответили на его приветствие.

— Орлы! — с гордостью подтвердил Маслов.

Шел редкий снег. Морозило. Над заиндеветыми кораблями, тесно прижавшимися к причалу, струились легкие дымки. Тишина и штиль. Казалось, Лавенсари живет спокойной мирной жизнью, что война далеко. Но и адми-

рал, и стоявшие перед ним молча красивые молодостью и выправкой ребята знали, что ждет их вскоре.

Скрывая волнение, Жуков сказал:

— Благодарю, Степан Петрович! За батальон! Придет час — поговорим, а сейчас корми людей. Харчевня у нас не то что камбуз на корабле, но сыты будут, обещаю.

Чуть прихрамывая, адмирал пошел первым.

Дни шли за днями, а приказа на высадку десанта не поступало.

Десантники, конечно, не теряли времени даром. Они хорошо познакомились с кораблями, с которых предстояло высаживаться, провели несколько практических тренировок по десантированию в ночное время, проверяли оружие, получили необходимый боезапас.

Комбат Маслов дважды вылетал на самолете в район Мерекюла на рекогносцировку местности, подробно разработал с офицерами все варианты предстоящей операции.

Тральщики протралили подходы к месту высадки. Корабельные дозоры дено и ношно вели наблюдение в море, но фашистских кораблей не находили.

В таком напряженном ожидании прошло почти две недели.

Погода благоприятствовала высадке десанта. Нарвский залив был чист, только местами встречались дрейфующие поля крошеного льда.

На берегу торосами громоздились льдины, выкинутые на песок северными ветрами, да у береговой кромки плавало «сало».

Дозоры и разведка докладывали, что в заливе вражеских кораблей нет.

От Лавенсари на восток, до Кронштадта, чуть более 100 километров, на юг, до Мерекюла, небольшой деревеньки на берегу Нарвского залива, в 7 километрах на запад от устья реки Наровы, — семьдесят.

Южный берег Нарвского залива мало изрезан. От устья реки Наровы и до Мерекюла тянутся песчаные пляжи, переходящие в ровный, медленно поднимающийся к югу, заросший растительностью берег. А на западной окраине Мерекюла берег залива отвесный, скалистый. Это и было место предполагаемой высадки десанта.

На Лавенсари был сформирован специальный отряд кораблей высадки под командованием капитана 2-го ранга Г. М. Горбачева.

В этот отряд вошли восемь бронированных катеров «морской охотник», два морских бронированных катера,

два бронированных катера и один катер «МО». Всего тринадцать боевых единиц¹.

Для противоминной обороны отряда выделялись восемь катеров-тральщиков.

Отдельный отряд кораблей артиллерийской поддержки под командованием капитана 1-го ранга С. В. Кудрявцева должен был огнем обеспечить высадку десанта.

В этот отряд вошли канонерские лодки «Москва», «Амгунь» и «Волга». Для их противоминной обороны выделялась отдельная тральная группа в составе восьми тихоходных тральщиков.

С воздуха десант прикрывали тридцать самолетов 3-го гвардейского истребительного авиаполка КБФ, размещавшегося на Лавенсари.

Общее командование всей десантной операцией осуществлял контр-адмирал Г. В. Жуков.

Основное оружие морских пехотинцев — автомат. На вооружении десантников были еще три 50-мм миномета, двенадцать противотанковых ружей, два станковых и двенадцать ручных пулеметов. Бойцы получили сухой паек на двое суток, боезапаса и гранат — на три дня боя. Каждый сапер имел при себе по 10 килограммов взрывчатки. Тяжелого вооружения десант не имел.

Командование тщательно собирало все сведения о силах противника, оборонявших побережье Нарвского залива. Из разведотдела штаба 2-й ударной армии пришло сообщение, что 4 февраля охрана побережья в районе высадки осуществлялась единственным охранным батальоном СС.

Однако уже 6 февраля радиоразведка флота отметила развертывание частей береговой обороны противника и их штабов в районе Конью и Раквере, штаба железнодорожной артиллерии в районе Нарвы и постов службы наблюдения и слежения у Тойла, Силламяэ и Мерекюла.

В то же время корабельная разведка обнаружила в районе Мерекюла действующий прожектор. Авиаразведка засекла в районе Тойла, Силламяэ и Мерекюла батареи зенитных орудий.

По поступающим сведениям выходило, что противник принимает экстренные меры к усилению обороны побережья, но достоверных исчерпывающих данных о составе

¹ В высадке десанта участвовали: «БМО-501», «БМО-505», «БМО-508», «БМО-509», «БМО-180», «БМО-181», «БМО-176», «БМО-177», «МВКА-563», «МВКА-562», «ВКА-101», «ВКА-102», «МО-122».

его сил не имелось. Сложившаяся обстановка диктовала единственно разумное решение: высадить десант ночью, застать противника врасплох и, используя неизбежную в таких случаях панику, действовать решительно.

Чтобы обеспечить внезапность высадки, решили переход кораблей с десантом осуществить в темное время суток, при потушенных бортовых огнях и полном радиомолчании и, кроме того, отказаться от предварительного артиллерийского и авиационного удара по берегу. В этом случае гитлеровцы узнали бы о проводимой операции только тогда, когда десант уже высадился бы на берег.

В момент, когда противник обнаружит десантников, огневые средства катеров и артиллерия канонерских лодок должны были нанести удар по огненным точкам врага. Орудия канонерских лодок могли стрелять на большие расстояния. Все было готово к тому, чтобы по вызову десанта и по его радиокорректировке они смогли поддерживать морских пехотинцев огнем ударом по всей глубине обороны противника.

Десантникам было приказано не ввязываться в бои за опорные пункты, а, обходя их, как можно быстрее достичь района Аувере — Лаагна, где оседлать шоссейную и железную дороги, закрепиться и ждать подхода частей 2-й ударной армии. Планом предусматривалось, что войска основного фронта на рассвете 14 февраля перейдут в наступление и пробьются навстречу десанту. Таков был замысел.

13 февраля на Лавенсари поступило сообщение: «Задачу выполнять сегодня в ночь с 13 на 14 февраля по вашему плану». Это был приказ на высадку.

Через 2 часа, в 15 часов 30 минут, началась посадка десантников на корабли.

Перед посадкой прямо на пирсе состоялся митинг. Выступали и десантники и катерники.

Комбат Маслов сказал коротко и четко:

— Братья мои, десантники! Нас с великим нетерпением ждут советские люди, изнывающие в фашистской неволе. Наш священный долг — освободить их, и нет такой силы, которая могла нас остановить! Настал час мести врагу за Ленинград, за нашу Балтику, за весь советский народ.

Вперед на врага!

Нас благословляет Родина на подвиг!

Десантник Алексей Божинов высказал одно волновавшее многих желание:

— Мы выполним боевой приказ, и если мне доведется погибнуть в бою, то прошу товарищей считать меня коммунистом.

Обращаясь к катерникам, он добавил, улыбаясь:

— Вы постарайтесь нас хорошенько высадить, а там мы свое дело сделаем.

Пулеметчик ефрейтор Базай Бектлеулов медленно, как клятву, отчеканил слова своей краткой речи:

— Я, сын Казахстана, буду защищать город Ленина как свою Родину.

Сразу же после митинга командиры рот и взводов развели свои подразделения по кораблям. В 16 часов 00 минут 13 февраля конвой двинулся от Лавенсари к югу.

БРОСОК НА БЕРЕГ

Юго-восточный ветер силой до 7 баллов гнал пенистые волны прямо на корабли. Их форштевни, врезаясь в бурлящую воду, выбрасывали вверх каскады брызг. Палубы и надстройки покрылись коркой льда. Десантники разместились в матросских кубриках. Путь предстоял долгий — 12 часов по штормовому морю! В кубриках было жарко и тесно. Духота и морская качка усыпляли людей. Вскоре замолкли смех и шутки, установилась тишина. Многие спали. Высадка была намечена на 4 часа утра. Отряд кораблей в 32 выпела двигался на юг.

Уже в темноте, в 18 часов 35 минут, на пути оказалось большое поле дрейфующего льда. Пройти его с поставленными тралами было невозможно. Пока их убрали, отряду пришлось замедлить ход. Восемь из тральщиков вернулись на базу: двигаться во льду не могли. Все это привело к перестроению походного порядка. В голову отряда ушли тихоходы-тральщики, за ними — канонерские лодки, а в кильватере шли катера и «охотники» с десантом.

Когда корабли вышли на чистую воду, стало ясно, что времени потеряно много, а десантный конвой не прошел и половины пути. Кроме того, предстояло еще задержаться, чтобы тральщики вновь поставили тралы. Это могло сорвать внезапность всей операции. Командир отряда кораблей высадки капитан 2-го ранга Г. М. Горбачев решил идти дальше без тральщиков и канонерок. Катера имели малую осадку, и, следовательно, степень риска подрыва на вражеских минах для них была минимальной, а канонерским лодкам без сопровождения тральщиков совершать переходы запрещалось.

В первом часу ночи «морские охотники» и бронекатера самостоятельно двинулись в район высадки десанта, используя полностью свою скорость.

В 3 часа 30 минут 14 февраля отряд вышел к точке развертывания. До берега оставалось 2,5 мили (4,5 километра).

Десантники готовились к бою. Протерли затворы автоматов, ввернули взрыватели в «лимонки», надежно закрепили снаряжение, чтобы не гремело при высадке.

Последние жадные затяжки самокруток. Наверху курить категорически запрещено, а группы первого броска уже поднимались по трапу и ложились на обледенелые палубы, изготовив автоматы к бою.

Вдруг все увидели, как впереди ярко вспыхнуло пятно света и луч прожектора неторопливо двинулся справа налево, освещая гребни волн. Прожектор погас так же внезапно, как и вспыхнул. Все было тихо. Фашисты не обнаружили десанта. Туманная дымка, хотя и редкая, поглотила силу света и скрыла приближающиеся корабли.

В крошечной темноте, приглушив моторы, катера, рассредоточившись по фронту на 2 километра, тихо продвигались к берегу. В первом эшелоне — восемь, во втором — пять кораблей. У заряженных орудий и пулеметов замерли расчеты. На палубах, поддерживая руками сходни, приготовились матросы, обеспечивающие высадку десанта. Стрелки часов подошли к 4 часам. До рассвета было еще далеко. Берег молчал. На фоне прибрежного льда он выделялся широкой темной полосой.

На правом фланге катера «БМО-176», «БМО-177», «БМО-180» и «БКА-102» первыми подошли к берегу. На «БКА-102», которым командовал старший лейтенант Д. Н. Богоявленский, матрос Муромцев прыгнул в обжигающую холодом воду и, взявшись за конец каната, подвел катер к самому берегу. На «БМО-180» (командир старший лейтенант М. А. Глинсон) матрос Лазинин, стоя по грудь в воде, держал на себе трап, по которому сходили десантники. Все было сделано, как на учении: четко, быстро, сноровисто. Только по лицам людей чувствовалось предельное внутреннее напряжение.

Среди ледовых нагромождений на берегу десантники быстро сняли прорезиненные костюмы и решительно двинулись вперед.

Перед ними круто поднимался вверх обрывистый, поросший кустарником и деревьями скалистый берег. Когда первые десантники поднялись на эту прибрежную кру-

чу, кругом все еще было тихо. Ночное безмолвие нарушалось только прерывистым дыханием тех, кто преодолевал заснеженный подъем. Именно в этот момент над местом высадки вспыхнула ракета. Ее бледный мерцающий свет вырвал из кромешной темноты колышущуюся черную воду залива, силуэты катеров и бредущих в воде к берегу десантников.

Еще не успела догореть ракета, как по месту высадки пробежал ослепляющий луч прожектора. Через мгновение в небе повисли десятки ракет, а на прибрежном плесе скрестились лучи нескольких прожекторов. Стало светло как днем. Почти одновременно заработали пулеметы и автоматы фашистских солдат, орудия и пулеметы кораблей десанта. Трассирующие пули и снаряды неслись навстречу друг другу, рассекая темноту тысячами светящихся линий. Внезапно вспыхнувший бой через несколько секунд охватил весь мерекольский берег.

В это время заканчивали высадку катера «БМО-501», «БМО-505», «БМО-508». К берегу подходил второй эшелон. Здесь уже не приходилось думать о сходнях, трапах, шлюпках. С палуб кораблей десантники прыгали прямо в воду.

Крупнокалиберные пулеметы и корабельные пушки непрерывно стреляли по вражеским прожекторам и огневым точкам, помогая десанникам сойти и зацепиться за берег.

Прошло несколько минут, и огнем кораблей ближайшие прожекторы были потушены. Дальние продолжали светить. На берегу вспыхнули пожары. Прогремело несколько мощных взрывов. Это взлетели на воздух машины с боеприпасами и горючим. При свете пожаров моряки на кораблях ясно видели, как десантники группами и в одиночку выходили из воды и тут же бросались на штурм вражеских позиций.

«БКА-101» при подходе к берегу получил повреждение: заклинило руль. К нему пришвартовался возвращающийся от берега «БМО-505». Он принял на свой борт десантников и вновь направился к месту высадки. Невзирая на сосредоточенный огонь врага, экипаж катера начал высадку. В этот момент в корабль угодил 88-мм снаряд. Взрывом убило командира катера старшего лейтенанта В. Б. Лозинского, рулевого и весь расчет 37-мм пушки.

Парторг катера командир 37-мм орудия Семенов, несмотря на тяжелое ранение, продолжал стрелять по врагу.

Оставались на своих местах и раненые пулеметчики коммунист Меньшов и матрос Маляругин.

Управление катером принял на себя раненый младший лейтенант Кокин. Ранеными оказались также коммунист боцман Васин, комсорг катера старшина 2-й статьи сигнальщик Бураков и многие другие члены экипажа. Враг продолжал расстреливать корабль. Семнадцать прямых попаданий! И все же раненые моряки сумели вывести катер из-под обстрела и вернуться на базу.

Экипаж «МБКА-562», которым командовал коммунист старший лейтенант И. П. Лебедев, благополучно высадил десантников и в ходе боя подавил около десяти огневых точек врага. Однако вражеский снаряд угодил в боевую рубку корабля. Сигнальщик матрос П. Л. Шилов был контужен. Очнувшись после взрыва, он увидел, что на палубе, у самой кормы, вместе с обломками мачты лежит перебитый осколками фал, на котором поднимался военноморской флаг. Флаг сбит! Превозмогая слабость, оглушенный взрывом моряк пополз к корме. Не обращая внимания на свинцовый ливень, который хлестал по бортам и надстройкам корабля, на фонтаны ледяной воды, обрушивающейся на него от взрывов снарядов и мин, Шилов связал перебитый фал и, невзирая на смертельную опасность, выпрямился в полный рост. С большим трудом моряк закрепил фал на флагштоке и водрузил флаг корабля на место. За этот подвиг бывший ханковец награжден орденом Красного Знамени.

На «БМО-509» взрывом вражеского снаряда повредило рулевое управление. Неуправляемый катер стал хорошей мишенью для артиллеристов противника. Нужно было немедленно что-то предпринимать. Комсомолец старшина 1-й статьи А. Ярцев пробрался в румпельное отделение катера, уперся ногами в борт корабля, а спиной отвел руль в положение, которое указал командир корабля старший лейтенант И. С. Расин. От нечеловеческого напряжения затекли ноги, онемела спина, но моряк удерживал корабль на нужном курсе.

Катер «МО-122» под командованием старшего лейтенанта Кондратюка доставил к месту высадки командира десантного батальона майора С. П. Маслова и его штаб. Но, не дойдя до берега метров пятисот, катер сел на мель.

В Нарвском заливе песчаные отмели встречаются на значительном удалении от берега. Они тянутся сплошными косами вдоль берега параллельно друг другу. Между отмелями глубина доходит до 1,5—2 метров.

Некоторые десантные катера, как, например, катер «МО-122», имевшие большую осадку, не смогли подойти к самому берегу из-за этих песчаных кос и, уткнувшись в отмель, начинали высадку бойцов. Пройдя по косе 10—15 метров, десантники оказывались по горло в воде. Прорезиненные брюки наполнялись водой, сковывали движение людей, тянули их на дно. Но и это не могло остановить масловцев. Команда катера «МО-122» прикрывала своим огнем десантников, пока те не вышли на берег, а потом сумела снять корабль с мели.

Уже при возвращении к месту сбора погиб «БМО-177». Все произошло в один миг. Яркая вспышка — и сильный взрыв разметал небольшое суденышко в щепки. От чудовищного взрыва шедший рядом «БМО-176» резко развернуло влево и на большой скорости выбросило на песчаную отмель. Все попытки сняться с банки ни к чему не привели. Командир сообщил по радио на другие корабли о случившемся. Отправившиеся на выручку два катера в темноте и в грохоте взрывов не смогли найти «БМО-176». Тогда с «морского охотника» спустили шлюпку. На ней боцман И. В. Редкобаев должен был добраться до своих кораблей и привести помощь. Время шло, начинало светать, а помощь не приходила. Шум боя на берегу переместился в глубину фашистских позиций. Замолчали вражеские орудия.

Вскоре командир корабля старший лейтенант С. С. Воронин и его помощник, старший лейтенант А. И. Карякин, получили радиogramму: уничтожить шифры и секретные документы, сломать радиостанцию, а команде покинуть корабль и присоединиться к десанту.

Приказ есть приказ.

Когда моряки в ледяной воде поплыли к берегу, фашистские наблюдатели заметили их, и орудия вновь открыли огонь. Часть личного состава погибла, а десять матросов, убедившись, что не смогут достичь берега, вернулись на безжизненный катер. Среди них не было ни командира корабля, ни его помощника. Вернувшихся на корабль возглавил мичман Г. Г. Наглюк. Моряки подняли на мачте корабля военно-морской флаг, пробитый во многих местах осколками вражеских снарядов.

Около полудня, когда рассеялась дымка, стало ясно, что в заливе наших кораблей нет. Что делать? По неподвижному катеру фашисты вели методичный артиллерийский огонь. Отвечать было нечем. Обе 37-мм пушки разбиты. Рация уничтожена. Корабль не отапливался и не ос-

вещался. Он превратился в груды металлолома, холодно-го и безжизненного. Но все равно для моряков он был родным домом. Они решили: лучше погибнуть под флагом своего корабля, чем в фашистском плену. Если фашисты попытаются приблизиться к катеру — драться до последнего.

Боевая рубка, палубные надстройки, пулемет и пушки были изуродованы. Неподвижный советский корабль мозолил глаза фашистам, и они посылали в него снаряд за снарядом. Матросы Жуков и Гребнев, несшие дозор в центральном кубрике, погибли от взрыва вражеского снаряда.

Так прошло пять дней и ночей. Гитлеровцы не делали попыток подойти к катеру. На шестой день, когда мороз скрепил пригнанную ветром с моря массу плавающего льда, моряки решили уходить. Из простынь сшили маскировочные халаты и ночью выбрались на лед. При свете вражеских ракет и прожекторов ползком перебирались они со льдины на льдину, двигаясь в глубь залива. Лед крошился, переворачивался. Матрос Бушмагин дважды проваливался в воду, и оба раза его вытаскивали. Льдины ходунгом ходили и под тяжестью тел, и от волнения моря. Но не суждено было балтийцу добраться до берега. Замерзшая одежда сковала его движения, и он, провалившись под лед в третий раз, утонул. Погибли также матросы Спивак и Афонин. Только к полудню 19 февраля к Курголово, где стояли наши войска, вышло пять человек из экипажа «БМО-176». Это были мичман Наглюк Григорий Григорьевич, старший сигнальщик Вяткин (имя и отчество не установлено), сигнальщик Пономарев Федор Григорьевич, комендор Федоров Евгений Михайлович, радист Миронов Степан Дмитриевич.

Какова же была радость спасшихся моряков, когда они через несколько дней встретились с боцманом Иваном Васильевичем Редкобаевым. Только теперь им стало понятно, почему к «БМО-176» никто не пришел на помощь.

Когда боцман отошел на шлюпке от катера на милю и уже стал различать на фоне неба силуэты своих кораблей, в шлюпку угодил вражеский снаряд. Очнулся Редкобаев через несколько часов. От сильного озноба его колотило, голова гудела, он оглох. Шлюпка была наполовину залита водой и забита льдом. Весел нет, грести нечем. Море вокруг пустынное. Стал грести руками. Да и ветер был, по счастью, западный; к вечеру прибило шлюпку к берегу у Курголово.

Оставшимся в живых морякам с «БМО-176» довелось потом высаживать десанты в Лоску, Таллине, на Моонзундские острова. Но незабываемым на всю жизнь в их сердцах остался бой при высадке десанта в Мерекюла.

· УДАР

Уничтожая дозорных и огневые точки врага, первые группы десантников энергичным броском достигли прибрежного шоссе и ворвались в деревню Мерекюла.

Тогда еще никто из них не знал, что в населенном пункте располагался штаб гитлеровской дивизии. Деревня была забита штабными автобусами, радиостанциями на машинах, мотоциклами, повозками, опутана сотнями линий телефонной связи. У каждого дома — часовые, а то и пулеметные гнезда, дзоты и блиндажи. В самой Мерекюла и вокруг нее стояли десятки зенитных орудий на бронетранспортерах.

Десантники обрушились на штаб внезапно. Они видели, как гитлеровские офицеры выскакивали из теплых домов в одном нательном белье.

Застигнутые врасплох, фашисты не могли оказать организованного сопротивления. Только отдельные группки гитлеровцев пытались отстреливаться, но с ними расправились быстро. Штаб вражеского соединения был разгромлен полностью. Но к этому времени уже ожили пулеметные точки, дзоты и батареи зенитных орудий, расположенных за деревней. Пришлось потратить известное время на их уничтожение.

Взвод саперов под командованием лейтенанта Григория Константиновича Кузнецова, выйдя на берег, немедленно приступил к ликвидации вражеских дзотов, из которых неистово били пулеметы. Бойцы, разделив между собой сухие спички, скрытно подползали парами к огненным точкам и устанавливали на них фугасы. Сначала один, потом другой дзот взлетели на воздух.

У третьего дзота погиб командир саперов.

Николай Васильевич Сазонов, бывший тогда командиром саперной роты, рассказывает, что он и сейчас, спустя 30 лет, слышит крик десантника Руфима Николаева:

— Колька, Кузнецова убили!

Сазонов подполз к офицеру. Кузнецов лежал на спине и держался руками за бок.

— Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, вы ранены? — спросил Сазонов.

— Нет, — ответил тот, — я, наверное, уже все... Ты командуй... — И руки его упали на снег.

Саперы взорвали и третий дзот. И этот взрыв прогремел как салют над телом погибшего командира. Сазонов принял командование взводом на себя.

Десантники 3-й роты под командованием старшего лейтенанта Николая Васильевича Кузьменко, броском преодолев участок от берега до деревни, вышли к месту, откуда просматривались позиции вражеской артиллерийской батареи. Четыре орудия береговой обороны, поставленные на возвышенности, вели беглый огонь прямой наводкой, посылая снаряды за снарядом в подходившие к берегу корабли. Эта фашистская батарея могла наделать много бед. Командир принял решение немедленно атаковать ее. Он понимал, что если морские пехотинцы и не сумеют уничтожить батарею, то, по крайней мере, заставят врага перенести огонь на атакующих, и тогда высадка будет обеспечена.

— Голубев, атакуй этих гадов! Я обойду их слева! — прокричал Кузьменко.

Взвод автоматчиков лейтенанта Иннокентия Ивановича Голубева рванулся к артиллерийской позиции. Десантники поднялись по склону и, не мешкая, устремились в атаку на батарею.

Вот как описывался этот эпизод в фашистской газете «Ринделехт» от 26 февраля 1944 года:

«Противник обескуражен нашей батареей и решает для защиты своего плацдарма атаковать ее фронтальной атакой. Около сотни человек атакуют батарею, остальные триста пытаются расширить плацдарм на юг. Это дерзкая мысль фронтально атаковать батарею. Противник сосредотачивается на краю долины в цепь, вражеский гранатомет начинает обстреливать батарею. С громкими криками «ура» цепь большевиков появляется в пределах видимости... на нее уже направлены стволы орудий...»

Нет ничего удивительного, что взвод мужественных десантников в глазах гитлеровцев превратился в более крупное подразделение. Однако, признав и отчаянную смелость десантников, и дерзость, с которой они пошли на батарею и заставили ее перенести огонь на себя, автор умолчал, что десантники добились-таки основной своей цели. Участник этой беспримерной атаки Борис Константинович Пинеев рассказывает, что взводу Голубева удалось заставить замолчать вражескую батарею на целых полчаса. Вор-

вавшись в расположение гитлеровцев, автоматчики отогнали их от орудий. Многие из фашистских артиллеристов нашли свою смерть на позиции собственной батареи.

В этом бою погиб и офицер Голубев. Он, как и подобает коммунисту-командиру, увлек за собой бойцов на штурм батареи. Иннокентий Иванович решительно поднялся навстречу смерти, а вслед за ним и его бойцы, чтобы спасти товарищей, высаживающихся на мерекюльский берег. В своих письмах сестре он убежденно писал, что человечество с надеждой смотрит на звезды Кремля, ожидая спасения мира. Для торжества этой надежды он сделал все, что мог.

Автору этих строк, к сожалению, приходилось встречаться с мнением, что автоматчики батальона С. П. Маслова высаживались на слабо укрепленный врагом берег, что сам десант был для гитлеровцев полнейшей неожиданностью и т. д. и т. п.

Эти мнения глубоко ошибочны. Они, по всей вероятности, исходят из тех данных, которые в свое время сообщил разведотдел Ленинградского фронта командованию Краснознаменного Балтийского флота. В этом сообщении утверждалось, что на 4 февраля оборону побережья Нарвского залива осуществляет один охранный батальон СС. Тогда так и было. Но на войне обстановка меняется быстро. Как мы уже знаем, фашистские войска, разгромленные под Ленинградом и отброшенные к началу февраля к Нарве, пришли в себя. Гитлеровское командование спешно сосредоточило в этом районе огромную массу войск. Используя реку Нарову как естественное водное препятствие, оно подготовило мощный оборонительный рубеж. Здесь к середине февраля были сосредоточены два стрелковых и один танковый корпуса, двенадцать дивизий и бригад, морская береговая артиллерия, формирования СС. От реки Наровы и до Синих гор проходила полоса обороны противника, и здесь разместились тылы фашистских дивизий, сотни батарей полевой, зенитной и береговой артиллерии, штабы, склады, резервы и т. п.

Гитлеровцы лихорадочно укрепляли берег Нарвского залива от возможного десанта советских войск с моря. На этот счет есть прямое свидетельство. Корреспондент СС Эри Реммельгас в газете «Ээсти сына» от 23 февраля 1944 года писал: «У командования были сведения, что большевики замышляют нечто подобное (десант.— В. Г.), и поэтому на побережье все было готово к встрече противника».

Фашистское командование было уверено, что не допустит высадки советского десанта, а если какие-то силы и смогут высадиться, так их неминуемо сбросят в море. Теперь мы знаем, что экипажи кораблей и десантный батальон автоматчиков вели у Мерекюла жестокий бой с врагом за высадку и победили. Фашисты не смогли ни пресечь саму высадку, ни сбросить десант в море.

Внезапный разгром штаба дивизии вызвал переполох в стане врага. Он понимал, что десант может принести много неприятностей. Поэтому на его уничтожение гитлеровцы немедленно бросили крупные силы.

Десантники с самого начала были вынуждены действовать разрозненно. Еще при высадке погиб командир 1-й роты капитан Федор Матвеевич Козлов, командир 2-й роты старший лейтенант Николай Иванович Зосимов был тяжело ранен.

Управление батальоном было затруднено и потому, что все восемь радиостанций, приданных десанту, не работали. При высадке одна из них ушла на дно, когда фашистские пули буквально скосили радистку Хину Ламм, комсомолку из Одессы. Другая осталась на корабле вместе с раненой радисткой Аней Устюжиной. Остальные шесть были повреждены при высадке. Радистка Евгения Титлинова и матрос Николай Тигарев, который должен был корректировать огонь корабельных артиллерийских орудий, пытались оживить хоть одну из радий. Но в ночной темноте, да еще в условиях непрерывного боя, сделать это было практически невозможно.

А на кораблях, в штабе на Лавенсари, в штабах армейских частей и соединений радисты напряженно вслушивались в эфир, чтобы уловить условные позывные. Прошел час, другой, третий...

Когда десантники покинули корабли и вели бой при высадке, отсутствие связи с ними было вполне естественным. Корабли наносили удары по огневым точкам врага самостоятельно, обнаруживая их по вспышкам. Но как только разгорелся бой на берегу и в глубине вражеских позиций, корабли лишились возможности стрелять из опасения поразить своих. Требовалась точная корректировка огня. А ее не было.

Только радист штаба 43-го стрелкового корпуса в 7 часов 00 минут принял: «Буду работать с вами на волне номер 106». Радиограмма точно соответствовала согласованным таблицам переговоров. Это была первая весточка от десанта. Но после этой короткой радиограммы в наушники

как вновь воцарилась тишина. Лишь в 8 часов 40 минут в течение нескольких секунд на указанной волне прослушались какие-то шорохи и треск, а потом все смолкло. Все старания Титлиновой и Тигарева, как видно, результатов не дали.

В ходе ночного боя, когда отдельные группы десантников вырвались вперед и, обтекая узлы сопротивления и опорные пункты врага, продвигались к югу, не было никакого смысла собирать подразделения в единый кулак. На это ушло бы много времени, и противник пришел бы в себя. Тогда нечего было бы и думать о прорыве к Аувере. Майор Маслов понял это сразу. Еще на Лавенсари он отработал с офицерами и такой вариант боя и теперь был спокоен за их дальнейшие действия.

Застигнув врасплох хорошо подготовленного к обороне врага, десантники ошеломили его и стали развивать успех в тех местах, где сопротивление фашистов было быстро смято. Так образовались три основных направления, по которым морские пехотинцы начали наступление в тыл врага.

Командир взвода лейтенант Анатолий Мефодиевич Любимов принял командование 1-й ротой. К нему присоединилась часть бойцов из других подразделений — всего около семидесяти человек.

Вторую роту по приказу Маслова возглавил начальник штаба батальона старший лейтенант Владимир Александрович Малков. Эта группа также насчитывала человек семьдесят.

Основную группу десантников, в количестве до трехсот человек, повел сам комбат.

В 7 километрах к югу от мерекюльского берега, между шоссе и железной дорогой, находился район, ограниченный деревнями Лаагне, Репнику и станцией Аувере. Именно к указанным пунктам по трем направлениям и устремились десантники. Здесь они должны были встретить наступающие части 2-й ударной армии.

ПУТЬ НА РЕПНИКУ

В то время, когда первые десантники во главе с лейтенантом Любимовым вышли на берег, из прибрежного леса ударил крупнокалиберный пулемет врага. Пулеметчик с перепугу стрелял нервно, длинными, неприцельными очередями.

Артиллерийские и пулеметные расчеты катера «МБКА-508» (командир — старший лейтенант Орлов П. П.) дружно резанули по вражескому пулемету, и он замолчал.

Когда бойцы выбежали на прибрежное шоссе между Ауга и Мерекюла, то у одинокого домика, окруженного сараями и автомашинами, увидели, как из построек и автобусов выскакивают гитлеровские солдаты. Офицер с пистолетом в руке что-то кричал, пытаясь заставить их повиноваться.

Огонь доброго десятка автоматов распластал вражеских солдат на снегу. Некоторые с воплями бросились в лес врассыпную. Пять или шесть автобусов и бронетранспортер десантники подорвали гранатами. Любимов бегом повел свой взвод вдоль шоссе на Мерекюла. По пути к нему присоединились выходявшие на дорогу бойцы других подразделений. Здесь он узнал о гибели командира 1-й роты Козлова и взял на себя командование группой.

Мерекюла уже пылала, кругом горели автомашины и постройки, валялись трупы фашистских солдат. Стрельба удалялась к югу от деревни.

В Мерекюла к Любимову присоединилась часть солдат 1-й и 3-й рот. Всего, как мы уже отмечали, набралось до семидесяти человек. С этой группой лейтенант направился из Мерекюла вдоль шоссе в направлении поселка Удриа и далее на Репнику, как того требовала поставленная перед ними ранее боевая задача.

На выходе из деревни десантники обнаружили, что большая группа гитлеровцев пыталась удрать из Мерекюла на штабных автобусах, но застряла перед горой. Автобусы неистово ревели моторами, стараясь преодолеть обледенелый подъем. Офицеры с автоматами в руках бегали вокруг машин и кричали на солдат, которые гроздыями облепили кузова и выбивались из сил, толкая тяжелые фургоны в гору.

В ночной кутерьме враги не заметили приблизившихся вплотную десантников. Когда Любимов скоординировал: «Огонь!» — все разом смешалось. Продолжая стрелять на ходу, автоматчики атаковали гитлеровцев. Только несколько фашистов успели изготовить оружие к бою. Две-три очереди ударили навстречу атакующим и тут же захлебнулись под взрывами «лимонок». У горы осталось лежать несколько десятков оккупантов и яркими факелами горели взорванные машины.

Не имея серьезных потерь и не встречая больше противника, группа Любимова к рассвету подошла к Удриа.

Стало светать. Какой-то малочисленный отряд фашистских солдат пытался остановить десантников, но безуспешно. Решительная атака морских пехотинцев смяла вражеский заслон. Но и они понесли потери. Здесь погибли Иван Деща, Саша Бронзов и еще несколько человек.

Вскоре на шоссе появилась рота гитлеровцев. Она двигалась форсированным маршем навстречу десанникам. Гитлеровцы не ожидали, что по обе стороны дороги в кустах залегли советские автоматчики. Подпустив фашистов близко, метров на шестьдесят, моряки открыли огонь. Разгорелся яростный встречный бой. Противник ожесточенно сопротивлялся, затем беспорядочно отступил, оставив на снегу убитых и раненых. Но и десантники понесли изрядный урон. Легкораненые могли двигаться сами, тяжелораненых было решено нести на себе. Это резко замедлило темп движения.

Раненые говорили:

— Уходите вперед, товарищи! Не возитесь с нами. Если к нам подойдут немцы, подорвемся, но живыми не дадимся.

Но бойцы не бросали своих побратимов.

Любимов решил свернуть с шоссе, где их, видимо, ждали фашисты, и вести свою группу по бездорожью, перелесками. Через 2 километра наткнулись на хутор, в котором находилось до взвода гитлеровцев. Те и не подозревали, что находятся под прицелом советских автоматов. По-видимому, они еще ничего не знали о прорыве десанта.

В это время к лейтенанту Любимову привели паренька лет двенадцати.

— Мы из Нарвы, нас пригнали сюда немцы. Мы живем на этом хуторе, — заявил он.

Потом паренек что-то рассказал лейтенанту, и тот приказал старшему сержанту Сорокину В. М. вместе с отделением идти за пареньком. Видимо, недалеко располагался какой-то склад фашистов и Любимов решил его уничтожить.

Отделение Сорокина тихо снялось и ушло. Оставшиеся десантники окружили хутор и по команде офицера с разных сторон ворвались в него. Фашисты не смогли оказать сопротивления.

На хуторе бойцы подкрепились трофейным завтраком, перевязали раненых и, не задерживаясь, двинулись дальше, к Репнику.

Согласно боевой задаче, в этом районе десантники должны были встретиться с наступающими частями Крас-

ной Армии. Еще с утра, двигаясь лесами, десантники услышали далекий гул артиллерийской канонады и догадались, что это 2-я ударная армия начала наступление. Но у Репнику их поджидали фашисты.

Вот что рассказывает местный житель Аугуст Мартин: «Человек семьдесят десантников пробилась к Репнику, к сенокосам, и там держали бой. По дороге они уничтожили немецкое подразделение у хутора Брока. На сенокосах Репнику десантники держали круговую оборону. Был сильный бой. Все десантники погибли, ни один из них в плен не сдался».

Действительно, здесь, у Репнику, в ожидании подхода частей Красной Армии группа Любимова сражалась более 5 часов и отразила несколько яростных атак врага. Но эстонский крестьянин не мог знать того, что погибли не все. Десятка полтора оставшихся в живых бойцов во главе с командиром ночью смогли оторваться от преследования и уйти в лес.

Весь день и всю ночь, а также утром 15 февраля Любимов и его товарищи слышали слева от себя яростную стрельбу и крики «ура». Они понимали, что это десантники других групп ведут бой с врагом, но установить связи с ними не смогли. Пытаясь соединиться с основными силами десанта, Любимов повел солдат вдоль шоссеиной дороги Таллин — Нарва. Бойцы видели, как по ней двигались фашистские танки, грузовики и обозы. Они шли на запад. Десантники думали, что враг начал общее отступление. Артиллерийская канонада и залпы «катюш», доносившиеся с юга, вселяли надежду на скорый подход частей 2-й ударной армии. Никто не мог знать того, что предпринятое утром наступление наших войск было временно приостановлено противником.

Группа Любимова двигалась лесом, обходя вражеские дозоры и секреты. Шли осторожно и медленно, давая отдохнуть раненым и обмороженным. Точного местонахождения никто не знал: карты у Любимова не было, а компас пропал в одной из схваток с фашистами.

Люди устали от двухдневного напряжения боя, переходов и бессонницы.

Любимов решил не искать больше встреч с основными силами десанта, а выйти к линии фронта и пробиться к своим. «Я решил идти на шоссе», — рассказал лейтенант в ленинградском госпитале в конце февраля — начале марта 1944 года. Рассказ его записал секретарь политотдела старшина А. Ф. Чирков. Хранится он в Центральном

военно-морском архиве¹. «Выйдя из рощи,— вспоминал Любимов,— мы встретили группу немцев, несколько автомашин и повозок, сразу вступили в бой, меня здесь ранило, и я не помню, как оказался на другом месте с перевязанной рукой».

Командир ничего не мог помнить, ибо от болевого шока потерял сознание. Он лежал прямо на шоссе. Белый полубок манил гитлеровцев. Они не стреляли в него, желая захватить офицера в плен. Такой «язык» был необходим им для уточнения данных о десанте и его задачах. Трое фашистов стали ползком подбираться к нему.

Матрос Андрей Евецкий, видя, какая опасность грозит Любимову, выскочил из кювета и в два прыжка оказался рядом с ним. Упав, открыл огонь по ползущим и, то ли ранив, то ли убив их, оттащил командира к опушке рощи. Потом, как самый сильный во взводе человек, нес его несколько километров на себе. В своем рассказе Любимов особо упомянул Евецкого, отметив, что «дрался он исключительно героически». Погиб Евецкий через четыре дня, 19 февраля.

15-го же под вечер, разведав место, десантники нашли удобный для ночевки сарай с сеном. «На пути к сараю,— по словам Любимова,— встретили трех человек. Это оказались наши: старшина 1-й статьи Барабошкин, старший краснофлотец Семенкин и третий краснофлотец, фамилию которого не знаю». Все они были из 3-й роты, которая входила в группу Маслова. Они рассказали о ранении комбата.

«Я со своей группой,— продолжал рассказ Любимов,— пробыл в сарае два с половиной дня— 15, 16 и частью 17 февраля. Из сарая мы наблюдали, как на запад по шоссе непрерывно двигались повозки, автотранспорт, гнали скотину».

17 февраля, приблизительно в полдень, мы вышли из сарая и направились на юг в расчете пробиться к частям Красной Армии. Со мной было уже восемь человек».

С Любимовым шли: А. И. Евецкий, П. А. Филин, С. Е. Барабошкин, И. В. Метеуш, Г. В. Семенкин и еще трое, чьи фамилии установить не удалось.

В переходах от леса к лесу, от хутора к хутору под преследованием врага прошло еще два дня. Пили болотную воду, ели снег и жевали сосновую смолу. В стычках с врагом погибли Евецкий, Барабошкин, Филин и еще три десантника. Все это происходило рядом с линией фронта.

¹ Разыскать эту запись помогла сотрудница архива Г. В. Фомина.

Но найти брешь во вражеских позициях никак не удавалось.

На рассвете 19 февраля оставшиеся в живых Любимов, Метеуш и Семенкин, все трое раненные и обмороженные, сделали еще одну попытку пробиться через передний край.

Они шли, еле переставляя ноги от голода, потери крови и усталости. И опять (в какой уже раз!) напоролась на фашистский дозор. Один из гитлеровцев бросил гранату. Десантники упали в снег. Раздался взрыв. После взрыва Метеуш остался лежать, а Любимов и Семенкин вскочили и побежали назад. Сзади раздалась автоматная очередь, но пули прошли где-то далеко в стороне.

Добежав до какого-то сарая, десантники зарылись в сено. От бега Любимов закашлялся. «Через две-три минуты,— вспоминал Любимов,— в сарай вошел немец и стал звать: «Иван, Иван», долго ходил по селу, видимо, искал нас. Три раза он наступил на меня, один раз на раненую руку. Стерпев жуткую боль, я промолчал. Немец, не найдя ничего, ушел».

Вечером Любимов и Семенкин выбрались из сарая и вновь ушли в лес. Утром 20 февраля они наткнулись на двух красноармейцев в маскировочных халатах. Это были разведчики 80-й стрелковой дивизии, которые привели их в штаб. Там оказался капитан 2-го ранга, который должен был поддерживать связь с батальоном Маслова. Рассказывая ему о событиях последних дней, и Любимов и Семенкин были уверены, что Метеуш погиб при разрыве вражеской гранаты. Сообщенную ими версию о гибели краснофлотца мы повторили в материалах экспедиции «Десант!», опубликованных в газете «Молодежь Эстонии» за 28 февраля и 14 марта 1971 года. Несколько позже получили письмо от офицера И. Каратаева, сообщившего, что ему удалось разыскать документы, доказывающие ошибочность сведений Любимова и Семенкина. Он прислал нам копию документа, составленного по возвращении И. В. Метеуша из-за линии фронта.

«Участие в нарвском десанте в составе батальона 260-й бригады морской пехоты,— рассказывал Метеуш,— было самым тяжелым испытанием».

О последнем бое было записано: «Мы оказались в районе немецкой обороны. Буквально в 6—8 метрах в ячейке я увидел двух немцев. Один лежал, а второй сначала, видимо с перепугу, поднял руки, затем бросил в нас гранату. Она взорвалась далеко сзади нас. Прикрывая лейтенанта и краснофлотца огнем, я дал по фашистам две оче-

реди из автомата. Одного убил. Пока я отстреливался, Любимов с краснофлотцем отошли куда-то правее, и я их так и не нашел». Стало ясно, почему в Любимова и Семенкина никто больше не стрелял, а автоматная очередь, которую они слышали, предназначалась не им.

Нам удалось разыскать И. В. Метеуша, проживающего ныне в городе Дунаевцы Хмельницкой области. Встреча с ним позволила восстановить многие детали действий группы Любимова. Отважный десантник самостоятельно перешел линию фронта. Это было 19 или 20 февраля. «Вначале со мной беседовал майор, — вспоминает ветеран, — а утром привезли к генералу, видимо командиру дивизии, который очень подробно расспрашивал меня о десанте. Потом находился в ленинградском госпитале на излечении... После госпиталя воевал в 48-й дивизии имени Калинина. Освобождал Нарву и Ригу».

Иван Васильевич Метеуш скромно не добавил, что за храбрость, проявленную в боях с немецко-фашистскими захватчиками, был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями.

Григорий Васильевич Семенкин после многих операций и долгого лечения был демобилизован по инвалидности.

Что касается лейтенанта Любимова, то он пал смертью храбрых менее чем через полгода после мерекюльских событий, в сентябре 1944 года. В найденной нами алфавитной карточке записано: Любимов А. М., кавалер двух орденов Красной Звезды, «...погиб на катере, подорвавшись на mine 30.09.44 в Финском заливе. Тело предано морю».

Среди тех, кто впервые прочел в газетах, публиковавших материалы поиска, о мерекюльском десанте, о подвиге Анатолия Мефодиевича и солдат его группы, была и дочь лейтенанта, родившаяся после его гибели, дочь, так и не видевшая своего отца, сложившего голову за ее и наше с вами счастье мирной и свободной жизни.

ПРОРЫВ К АУВЕРЕ¹

Одним из первых с катера «БКА-102» высадился взвод автоматчиков 2-й роты под командованием старшины 2-й статьи Сергея Владимировича Мерцалова. Высади-

¹ Частично в эту главу вошел материал, опубликованный в газетах «Молодежь Эстонии» и «Страж Балтики» 18 апреля 1971 г. (См. статью А. Бочкова, В. Гринкевича, П. Пушкина «Прорыв к Аувере»).

лись в ледяные торосы, за которыми в 20 метрах поднимался крутой скалистый берег.

Автоматчики Г. Ф. Краснов, Н. И. Иванов, А. В. Засосов, цепляясь за ветки кустов и деревьев, поднялись на кромку обрыва и обнаружили здесь линии связи противника. Ножами быстро перерезали провода. Было тихо. Когда на обрыве собрался весь взвод, Мерцалов подал команду: «Вперед!»

Вдруг справа засветил прожектор, вспыхнули ракеты, и через несколько мгновений заухали артиллерийские орудия. До прожектора и батареи было далеко, около километра.

Взвод десантников быстро преодолел поляну и залег на обочине приморского шоссе Мерекюла — Аувере. Слева, в низине, там, где деревня Мерекюла, кипел бой: гремели взрывы и занималось зарево пожара. Еще левее и ниже, у кромки воды и льда, где высаживался десант, высвечивало, как днем. Оттуда доносились глухой гул взрывов и стрельба корабельных пушек. А здесь, у шоссе, было тихо и темно.

Внезапно десантники увидели темную массу людей, быстро надвигающуюся на них. Человек тридцать — сорок. Автоматчики насторожились. Кто они? Засосов подумал, что это группа десантников, опередившая их, выскочил на дорогу и схватил одного солдата за рукав. В тот же миг Засосов во все горло закричал: «Фашисты!» — и бросился в кювет. Десантники, не целясь, почти в упор открыли огонь. Через минуту все было кончено.

Прихватив с собой вражеские автоматы, балтийцы перебежали шоссе и сразу же заметили, что со стороны Мерекюла на огромной скорости несутся автомашины с включенными фарами. Моторы неистово ревели. Десантники встретили колонну дружным огнем. Первая машина остановилась, с нее стали спрыгивать солдаты, но их всюду настигали пули балтийцев. Николай Иванов бросил гранату под автофургон, и он ярко запылал, освещая местность. С бронетранспортера хлестнула пулеметная очередь, но ее оборвал взрыв. Это Мерцалов удачным броском противотанковой гранаты уничтожил бронетранспортер.

Прошло всего 30—40 минут после высадки. За это время взвод Мерцалова нанес врагу ощутимые потери и своим стремительным броском и решительными действиями открыл дорогу на юг. Хотя от командира роты не поступило никаких приказаний, Мерцалов уверенно повел взвод в этом направлении. Вскоре десантники перешли неболь-

шой ручей и достигли оврага, по дну которого проходила насыпь узкоколейной железной дороги. Фашистский патруль, приняв морских пехотинцев за своих, приблизился к ним вплотную. Его сняли без единого выстрела.

Здесь Мерцалова нагнал связной от начальника штаба батальона и передал приказ: возвратиться для соединения с основными силами.

В полукилометре от берега взвод Мерцалова влился в группу, которую возглавлял старший лейтенант В. А. Малков. Здесь автоматчики узнали о тяжелом ранении командира их роты — Николая Ивановича Зосимова.

Всего группа насчитывала около семидесяти человек, и Малков строго разделил всех по подразделениям. Командование бойцами из 2-й роты принял мичман Блахнин Александр Федорович, из 1-й — мичман Сухой Петр Анатольевич, из 3-й — главный старшина Шурыгин Евгений Николаевич. Комсорг батальона лейтенант Чекмезов Илья Васильевич стал заместителем Малкова по политчасти.

Среди десантников группы Малкова находился и Григорий Ворона, который сообщил Засосову, что при высадке ранены А. А. Квац, А. Л. Кияшко и младший сержант В. Ф. Логвинов. Это были хорошие друзья Саши Засосова, с которыми он служил на Ханко в отряде Гранина.

Справа и слева доносились стрельба, разрывы гранат и снарядов, одновременно вспыхивали десятки ракет. Старший лейтенант Малков приказал Мерцалову с группой автоматчиков двигаться впереди и строго держать направление на юг. Прошли километра два вдоль старой насыпи узкоколейки, уничтожая по пути линии связи.

Светало, когда вышли на опушку леса к трем хуторам. По грунтовой дороге двигался обоз на шести подводах. На каждой по два фашиста. Быстро расправившись с гитлеровцами, десантники, не задерживаясь, вновь двинулись на юг и вскоре вышли на шоссе Таллин — Нарва. Настроение у всех было боевое. После высадки прошло всего около 4 часов, а группа подошла к району конечной цели, не понеся никаких потерь. Здесь была намечена встреча с солдатами 2-й ударной армии.

Но на шоссе стояли... «тигры». Бойцы подползли к дороге и залегли у обочины. Пока десантники обдумывали, как им справиться с танками и перейти шоссе, на них случайно вышли три вражеских солдата с катушками полевого кабеля. Связисты увидели десантников и от неожиданности остановились. Они никак не могли сообразить: свои это или чужие?

— Немедленно убрать, но без шума! — приказал Малков.

Морские пехотинцы А. В. Засосов, С. В. Мерцалов, В. Д. Ковалев, А. И. Жаров, Н. А. Королев, В. К. Сергеев и Е. Н. Шурыгин метнулись навстречу фашистам. Блеснули лезвия ножей. Гитлеровские солдаты наконец поняли, в чем дело, и, закричав, бросились бежать. Пришлось стрелять. Сергеев меткой очередью сразил двоих, а к третьему, упавшему в снег, подбирались Шурыгин и Жаров. В этот момент танкисты открыли беглый огонь из пушек и пулеметов. Снег закипел от взрывов снарядов и пуль. Одним из снарядов были убиты и десантник Жаров, и немецкий связист. Евгений Шурыгин получил тяжелое ранение в ногу. При обстреле погибло еще несколько десантников, в том числе Блахнин, Сергеев и Ковалев. Столь мгновенная реакция танкистов на выстрелы Сергеева убедительно свидетельствовала о том, что противник ждал десантников и был готов к бою.

Малков приказал всем отойти в лес. До опушки добирались по-пластунски. Десантников никто не преследовал. Не располагая данными о численности этой группы десанта, фашисты поначалу хотели просто блокировать ее.

Через час старший лейтенант вновь вывел людей к шоссе. На дороге стояло уже около тридцати автомашин с солдатами и несколько бронетранспортеров. Было видно, что пригнали их издалека. Солдаты переминались с ноги на ногу, чтобы согреться, но автоматы держали наготове. Пришлось опять вернуться в лес.

Малков еще раз произвел расчет бойцов по подразделениям. В группу десантников из 2-й роты вошло двадцать восемь человек. Старший — С. В. Мерцалов, его помощник — А. В. Засосов, командиры отделений — Н. А. Королев, И. И. Аверин и В. В. Шаров.

Другая, смешанная, группа имела тридцать человек. Старший — мичман П. А. Сухой, командиры отделений — В. П. Лащук и Г. Ф. Орлов.

До темноты бойцы, прислонившись к стволам деревьев, отдыхали. Когда ступились сумерки, группа Малкова двинулась на запад. Часа через два вновь вышли к шоссе. В этом месте оно было пустынно. Быстро перебежав дорогу, углубились в чахлый, низкорослый лес. Ночью подошли к железной дороге. Где-то рядом, правее от них, находилась станция Аувере.

Морские пехотинцы отчетливо слышали залпы «катуш» армии Федюнинского. Это радовало и прибавляло

сил. Десантники ускорили шаг. Начинало светать. Внезапно рядом раздалась чужая речь. Все залегли и приготовились к бою. В разведку Малков послал Королева. Вскоре тот вернулся и доложил, что около взвода фашистов валят лес, видимо для укрепления обороны.

Решили обойти это место левее, но оказалось, лес занят врагом, и Малков принял решение сделать дневку, тем более что среди десантников десять человек были ранены, им требовалось сделать перевязки. Оставшиеся продукты поделили поровну. Разводить костры Малков запретил. Согревались бегом на месте. Курили в рукава. Когда стало вечереть, группа вновь двинулась в путь. Прямо на опушке леса вышли на фашистскую батарею. Противник их не обнаружил. Взяли правее — наткнулись на вражеский дзот. И так на каждом шагу. Рубеж «Танненберг» давал себя знать. Десантники оказались в боевых порядках врага.

Малков решил вырваться из кольца через маленький населенный пункт. Это было дерзкое решение: расчет на внезапность. По команде десантники дружно бросились к поселку. Автоматным огнем они разили вражеских патрульных и часовых. Когда добежали до первых построек, заработали пулеметы противника.

Густой рой трассирующих пуль ударил по атакующим во фланг и отсек от основной массы десантников, чуть отставших раненых и обмороженных, не имевших сил вместе со всеми на столь стремительный бросок. Они лежали в снегу вместе с погибшими десанниками. О том, чтобы пробиться сквозь огонь врага и догнать своих, не могло быть и речи. Когда фашистские пулеметы и минометы перестали стрелять, тяжело раненый Алексей Сычев вполголоса спросил в темноту: «Есть кто живой?» Откликнулись два-три голоса. Раненые поползли обратно к лесу.

Но предоставим слово самому Алексею Ефимовичу: «Отстав от товарищей, нас было пять человек, фамилий всех не помню, кроме Ищенко, Мухли и, кажется, Лазарева, мы к рассвету добрались до какой-то брошенной избышки. В ней нашли несколько мерзлых брюков и этим подкрепились. Днем на наше пристанище вышло еще трое десантников, тоже раненных, но ходить могли. Они остались с нами. Все мы надеялись, что через день-другой сюда придут наши войска.

Ребята нашли недалеко погреб с картошкой. Картошку пекли в голландке по ночам, не разводя большого огня. Мы

ели ее полусырой. Так прошло несколько дней. Часто домик обстреливали наши минометные батареи, так как рядом проходила вражеская оборона. Обнаружили нас немцы случайно, когда ребята ходили за картошкой. Враги преследовали их по пятам. Я закричал: «Уходите быстрее, братишки! В лес!» Все, кто мог ходить, ушли. Встать не смогли я, К. С. Мухля и М. П. Ищенко. Мы пытались поползти из дома, но тут показались немцы, и мы заняли оборону у окон. Одно окно в сторону леса, другое в сторону поляны.

Со стороны леса подходили вражеские солдаты, я и мои товарищи открыли огонь из автоматов. Немцы отступили и из-за деревьев стали нас обстреливать. Ищенко вновь ранило, на сей раз смертельно. Внезапно повалил густой дым. Оказалось, фашисты зашли со стороны глухой стены и подожгли дом. Задыхаясь от дыма, я подполз к окну, нащупал проем и вывалился из окна в снег. Здесь, потеряв сознание, был взят в плен. Мухля погиб. Какова судьба остальных раненых, ушедших в лес, не знаю».

В основной же группе Малкова, которая пробилась сквозь вражеское кольцо, осталось тридцать пять человек. Ночью ударил сильный мороз. Белесая луна то скрывалась в тучах, то выплывала, заливая лес и поляны мертвым светом. Десантники с трудом передвигали обмороженные ноги. Они шли, шатаясь от усталости и голода.

«Никогда бы не поверил, — рассказывает Александр Васильевич Засосов, — что люди могут спать на ходу. Ноги движутся, а сознание отключено. Шли по глубокому снегу. Командир часто менял направление, перестраивал колонну: первым идти труднее. Останавливал строй, пересчитывал десантников. На поворотах идущие последними в строю продолжали двигаться прямо, спотыкались и засыпали. Их искали, будили и возвращали в строй. Особенно тяжело было раненым, и мы им помогали, как могли. Кроме этого, все время несли с собой взрывчатку, чтобы подорвать железнодорожное полотно».

К утру десантники наткнулись на разграбленный и покинутый жителями хутор. В доме на полу валялась рассыпанная картошка. В сарае стояло шестнадцать лошадей. Около них бегал баран. Было совершенно непонятно, почему дом покинут, в нем все перевернуто, а в сарае столько лошадей. Но десанникам было не до умозаключений. Григорий Ворона и писарь батальона старшина 1-й статьи Иван Тарасенко закололи барана и быстро его освежевали. Только затопили печь и начали обжаривать ба-

ранину и картошку, как часовые доложили, что к дому направляются фашисты. Гитлеровцев было трое. Их сняли быстро, одной автоматной очередью. Стало ясно, что, изгнав из хутора жителей, здесь расположилась какая-то фашистская часть. Принимать бой, не дав отдохнуть людям, было нельзя, и Малков приказал немедленно покинуть хутор. Так и не удалось попробовать ни баранины, ни картошки.

День и ночь 17 февраля прошли в непрерывном движении вдоль переднего края. Нащупать слабое место в обороне гитлеровцев, где можно было бы прорваться сквозь линию фронта, не удавалось.

Перед рассветом 18 февраля группа вновь вышла к незнакомому хутору. Поодаль стоял деревянный сарай с сеном. Расстояние между хутором и сараем 300—350 метров. Здесь было решено сделать привал на отдых. Все зашли в сарай, зарылись в сено и немедленно уснули. Только наблюдатель, выставленный на крыше, не спал. Первым заступил на пост Григорий Ворона. Но спать пришлось мало.

В 10 часов утра в пределах видимости десантников появились несколько вражеских групп. Они шли на север. Стрельбы не было. Вражеский батальон с пулеметами и противотанковыми пушками остановился метрах в трехстах от сарая. Гитлеровцы стали окапываться. Фашисты строили новый рубеж обороны. Вступать в бой с такой силой было бессмысленно. И Малков приказал сидеть тихо в полной готовности. К счастью, враги не обращали никакого внимания ни на хутор, ни на сарай, где находились десантники.

Часа в три дня от хутора к сараю подъехала лошадь, запряженная в сани. Старик возница развернул их у ворот и вошел в сарай, видимо за сеном. Каково же было его удивление, когда он увидел там вооруженных бойцов.

Старику объяснили, чтобы он наложил на сани сено, спокойно уехал и молчал бы о том, что видел. Изрядно перепуганный, тот все время повторял: «Я буду молчать! Я буду молчать!» Казалось, все обошлось. Но вышло по-другому. Старик с первой охапкой сена медленно вышел из сарая. Потом вдруг прыгнул в сани и во весь опор погнал лошадь к хутору. Это показалось подозрительным. Малков сказал Чекмезову: «Что бы ни случилось — себя не обнаруживайте!» — и, прихватив с собой краснофлотца Григория Ворону и одного из саперов, петляя, побежал за саними к хутору.

Бегущих заметили гитлеровцы. Стали что-то кричать. Человек двадцать из них бросились вслед за Малковым. Но до хутора они не добежали. Из дома, куда успели заскочить десантники, раздались автоматные очереди. Фашисты залегли в снегу и стали обстреливать хутор, где засел Малков с двумя бойцами. В это время примерно в километре к югу от сарая показались две группы советских бойцов. Это наступали наши войска. Весь немецкий передний край ожил от пулеметной и винтовочной стрельбы.

— Свои! Близко! Вот она, долгожданная встреча!

Воспользовавшись внезапно разгоревшимся боем, все находившиеся в сарае десантники приготовились к броску и сгрудились у ворот. Но радость их оказалась преждевременной.

Перестрелка стихла так же быстро, как и вспыхнула. Вдоль переднего края полз немецкий танк, посылая в красноармейцев снаряд за снарядом. Он заставил наши разведывательные подразделения отойти на исходный рубеж. Атака не удалась. Десантники вновь притаились в сарае.

А танк мимо них направился к хутору. С него соскочили несколько солдат и побежали к дому, где засел Малков с двумя товарищами. Один из гитлеровцев, сраженный пулей, упал, а четверо стали ползком подбираться к дому, бросая гранаты. Оттуда тоже полетели гранаты. Тогда танк развернул башню, прошил пулеметной очередью дом и выстрелил несколько раз из пушки. Дом сразу осел и запылал. Стрельба прекратилась. Фашисты обошли кругом горящие развалины, затем уложили трупы своих солдат на танк и вернулись к линии окопов, по-прежнему не обращая внимания на сарай.

Ночью дом догорел. Когда стало совсем темно, решили послать разведку на хутор, чтобы узнать, что произошло с Малковым, Вороной и сапером.

Лейтенант Чекмезов приказал Мерцалову выделить в разведку двух человек. Вызвались идти Аверин и Чуркин. Через час они вернулись и доложили, что не нашли ни людей, ни оружия. Обнаружили только тело убитого сапера, которое лежало во дворе около сгоревшего дома.

Изнуренные нечеловеческим напряжением пяти суток, в большинстве своем раненные и обмороженные, десантники решили сидеть в сарае и ждать прихода своих войск.

19 февраля утром к сараю подошли три неприятельских солдата. Винтовки за спиной. Чекмезов приказал не шевелиться. Все притаились, готовые броситься на врагов, если

они войдут в сарай. Но гитлеровцы постояли у сарая, покуривали и вернулись к себе в окопы.

Через несколько минут запахло дымом. Оказалось, что фашисты подожгли сарай. Жара усиливалась с каждой минутой. Ветер раздувал огонь, и густой дым шлейфом потянулся по земле в сторону хутора. Чекмезов приказал под прикрытием дыма отходить к хутору. Покидали сарай кто бегом, кто ползком. Всех раненых взяли с собой. Огонь поглотил лишь Василия Королева, Петра Свистунова и еще двоих десантников, умерших от тяжелых ран.

Пространство между сараем и хутором фашисты, вероятно, держали под прицелом: не успели советские моряки сделать несколько десятков шагов, как по ним ударили автоматы, пулеметы и пушки. До хутора не добежали многие. Среди них Сергей Мерцалов, Василий Лацук, Иван Тарасенко и другие.

На бегу Александр Засосов увидел канаву и скатился в нее. Огляделся, а рядом сторевший дом, в котором погиб с ребятами Малков, поодаль от него погреб. Впереди на дороге лежал лейтенант Чекмезов: ему оторвало ногу. Засосов пополз на помощь. Кругом рвались снаряды, мины. Вдруг он почувствовал сильный удар в лицо, все померкло и закружилось. Собрав воедино силу и волю, обливаясь кровью, на обмороженных ногах, Засосов поднялся во весь рост и, петляя из стороны в сторону, побежал к погребу. По нему стреляли, пробили диск у автомата. Но до погреба он добежал. Туда же сумели добраться Аверин, Орлов, Кузнецов, Чуркин, Степанов, Тенчурин и еще пять молодых моряков, чьи фамилии Засосов не знал.

Все понимали, что сидеть в погребе — это значит сидеть в ловушке. У погреба были мощные стены, выложенные камнем-плитняком, и весь он был обсыпан толстым слоем земли. Убежище надежное, но в нем не было амбразур. Немцы могли подползти и забросать их гранатами. Приняв командование этой группы на себя, как старший по званию, Засосов приказал всем выбраться из погреба и занять оборону.

Десантники ползком перебрались в канаву, опоясывавшую погреб, и сразу заметили приближающегося врага. По дороге к хутору двигались две самоходные пушки. Одна из них, не доходя до хутора метров сто, остановилась и стала вести огонь. Вторая подошла метров на тридцать пять — сорок.

За самоходками показалась группа фашистов, человек двадцать. Орудия били прямой наводкой по погребу.

Десантник Николай Степанов с двумя противотанковыми гранатами в руках пополз к первой самоходке. Он метнул одну гранату — не долетела. Еще немного прополз, метнул вторую. Она попала в цель. Самоходка сразу же запылала. Семь гитлеровцев, прятавшихся за ней, были уничтожены.

Другое орудие издало вело интенсивный обстрел. Несколько его снарядов попало в крышу погреба, и она стала осыпаться. Десантники отвечали короткими очередями, не давая возможности гитлеровцам высунуться из-за брони. Вдруг раздался мощный взрыв. Это взорвались снаряды у горевшей самоходки, и она окуталась густым черным дымом. Вторая, расстреляв все снаряды, задним ходом ушла в лес.

Зажигательными пулями фашисты подожгли все до единого строения на хуторе, но к погребу подходить боялись. В наступившей темноте они освещали местность ракетами и простреливали длинными очередями трассирующих пуль подходы к погребу.

Засосов предложил всем здоровым уходить и пробиваться к своим. Сам решил остаться с ранеными. Но все отказались от этого. Тогда Засосов сказал Аверину, чтобы тот один пополз к своим и привел помощь. Аверин не решился, боясь, что заблудится. Было решено, что пойдут двое — Засосов и Аверин. Они взяли по одной гранате и одному диску с патронами к автоматам.

— Степанов, ты за старшего! Смотрите не усните! Ждите нас!

С этими словами Засосов, а за ним и Аверин выползли из погреба наверх. Засосов отыскал на небе Полярную звезду, сориентировался, встал на ноги, но, сделав два шага, упал. Идти он не мог. Попробовал двигаться на четвереньках. Проползли метров двести. От слабости в глазах бродили радужные круги, все виделось, как в тумане.

Аверин стал уговаривать Засосова вернуться:

— Саш, а Саш! Как же мы от ребят уходим?

— Не трави душу! Если сейчас не найдем помощи, все пропадем.

Засосов продолжал ползти.

При каждой вспышке ракеты Аверин шептал:

— Видишь, мы не туда идем!

Потом до сознания Засосова дошли слова:

— Саша, я вернусь к ребятам.

Аверин повернул назад к погребу.

Засосов упорно продолжал ползти на четвереньках. Саднили нестерпимой болью ободранные и обмороженные кисти рук и колени. Ниже колен он не чувствовал ног вовсе. Прополз так с полкилометра. Попытался встать. Страшная боль пронзила все его тело. Но он устоял на ногах и, не обращая внимания на нестерпимые муки, пошел. Так в середине ночи Засосов наткнулся на дозор наших войск. Он долго упрашивал командира части разрешить ему возглавить бойцов, посланных за оставшимися в погребе десантниками. Но командир и вызванный врач видели, что Засосов не в силах сделать и двух шагов. Раны на лице, переносице и брови требовали немедленной обработки, не говоря уже об обмороженных ногах.

Александр Васильевич Засосов хорошо помнит, как на второй день в медсанбат пришел офицер, тот самый, который первым беседовал с ним.

— Ну, морячок, жив?! А вчера глядеть на тебя страшно было. Ноги не сгибаются, руки опухли, пальцы граблями торчат... А твердил свое: «Дайте людей, до погребца доберусь!» Были мои разведчики в погребце... В ту ночь не успели — светать стало скоро, а этой ночью были. Все углы обшарили, фонарями светили. Никого не нашли: ни живых, ни мертвых... Только на плитняке прочитали слова, кровью написанные: «Нас не возьмешь. Мы из Кронштадта». Так что, может, и живы твои братки? Как думаешь?

Засосов не смог ответить. Судьба оставшихся в погребце десантников неизвестна. Это предстоит еще выяснить.

ОТ МЕРЕКЮЛА ДО ЛААГНА¹

Основную группу десанта вел майор Маслов. Раненный при высадке в ногу, Степан Петрович был образцом крепкой воли, собранности и динамизма. Он ни на секунду не выпускал из рук руководства операцией.

Комбат принял под свое начало 3-ю и 4-ю роты, подразделения разведчиков, ПТР, связистов и медиков. Всего до трехсот человек.

Неудача с радиостанциями и отсутствие возможности не только корректировать огонь корабельной артиллерии, но и держать необходимую связь с другими группами не

¹ Частично в эту главу вошел материал, опубликованный в газетах «Молодежь Эстонии» и «Страж Балтики» 14 января 1972 г. (См. статью А. Бочкова, В. Гринкевича, П. Пушкина «Последняя высота».)

обескуражили Маслова. Именно он послал во вторую группу Малкова. Именно он по звуковой картине боя сумел определить, что офицеры других групп десанта придерживаются одного из заранее предусмотренных вариантов боя, когда каждой из групп приходилось решать задачу самостоятельно. Это был исключительный вариант, наиболее неблагоприятный для десантников, но комбат был уверен в своих людях и знал, что и в этих условиях они сделали все, чтобы с честью выполнить поставленную перед ними задачу.

В Мерекюла горели дома и штабные автобусы фашистов. Западнее и юго-восточнее деревни шла ожесточенная перестрелка. Зарев пожаров тускло освещало места боев. Одна за другой взвивались осветительные ракеты, естественно ярко высвечивая то один, то другой кусок побережья.

Маслов великолепно понимал всю важность фактора времени. Медлить нельзя было ни секунды. Выслав вперед группу разведчиков, которыми командовал младший лейтенант Михаил Ермолаевич Давитая, комбат быстро повел своих бойцов из Мерекюла прямо на юг, по дороге на Пухково, уничтожая по пути мешавшие продвижению огневые точки противника.

Вскоре разведчики сообщили, что впереди по дороге движется вражеская колонна. Оказалось, что от Пухково к Мерекюла пешим порядком следовала рота фашистов с обозом. О десанте они, видимо, еще ничего не знали, хотя звуки боя со стороны моря их явно озадачили.

Десантники обошли гитлеровцев с флангов, и после короткой схватки в их руках оказались повозки с патронами и минами, пять минометов и четыре крупнокалиберных пулемета. Вражеская рота была уничтожена. На захваченные подводы аккуратно уложили раненых. Дорогу и обочину заминировали. Все было сделано четко и быстро. Вот почему вышедшая из атаки на вражескую артиллерийскую позицию часть роты Н. В. Кузьменко не смогла догнать основную группу. И. С. Викулов вспоминает: «Попадались на пути убитые немцы, а наших не было видно». Преследуемые фашистами, десантники оказались в болоте, поросшем мелким лесом. Здесь окруженная со всех сторон группа приняла свой последний бой.

«Не доходя до одного хутора, — продолжает И. С. Викулов, — мы свернули влево, по направлению к лесу, и тут заметили, что с хутора вышли немцы. Они стали преследовать нас. С правого фланга, метрах в семистах — вось-

мистах, также показалось несколько групп немцев. Не доходя до леса метров четыреста, командир наш сказал: «Вот, ребята, зайдем в лес и дадим бой фрицам». Я шел самым крайним на левом фланге. Фашисты были сзади меня, метрах в пятидесяти. Я обернулся и дал очередь из автомата по врагам. Но не успел отвести автомат, как ударила пуля в грудь и прошла навывлет. Вторая пуля прострелила руку. Я упал без сознания. Наверняка наши посчитали меня убитым.

Когда я очнулся, вечерело. Где-то гремела артиллерийская канонада. Сил у меня не было никаких. Потерял много крови. Через некоторое время услышал, что идут немцы. Я умышленно притворился мертвым. Когда они подошли ко мне, то остановились и стали что-то говорить. Видимо, на моем лице снежинки таяли, и они обратили на это внимание. Потом внезапный удар в ногу, и у меня нога непроизвольно согнулась. Немец крикнул, чтобы я поднялся, но, вероятно, понял, что я не поднимусь. Они схватили меня за руки и поволокли к хутору. В доме женщины-эстонка дала мне попить воды. Так я оказался в плену».

Семидесятичетырехлетний житель деревни Пухково Вольдемар Куйва рассказывает: «Когда около 7 часов утра я вышел на двор, то со стороны моря слышна была большая стрельба и летели светящиеся пули. Дом Яксона горел. Это в пятистах метрах от нас. У меня в доме стояло двадцать немецких солдат. Они спали. Часовой находился на посту. Были у них пушки и пулеметы. Началась страшная паника. Фашисты бежали без сапог.

Потом поодаль, метрах в двухстах — трехстах, прошла группа, человек тридцать — тридцать пять в белых халатах. Я слышал, как по-русски там говорили: «Скоро выйдем на дорогу». Метрах в восьмистах от дома группа приняла большой бой. Стрельба шла часа три-четыре. Все десантники погибли. Было убито много гитлеровцев. Одного раненого русского фашисты притащили в наш дом. Жена перевязала его и дала попить. Вскоре нас фашисты выгнали из деревни».

Этим раненым был Иван Семенович Викулов.

А группа Кузьменко продолжала бой. Десантники не погибли, как показалось Вольдемару Куйва. Григорий Васильевич Семенкин вспоминает: «Командир нашей роты старший лейтенант Кузьменко приказал занять оборону в небольшом лесочке, который находился поблизости. Место было болотистое, укрыться было очень трудно, так как болото было незамерзшее.

Немцы нас окружили со всех сторон... Особенно досаждал пулемет врага на правом фланге. Фашист зорко следил за каждым нашим движением и не давал головы поднять. Командир отделения старшина 2-й статьи Сергей Егорович Барабошкин приказал мне маячить шапкой-ушанкой, а сам кустами пополз в сторону. Я насадил шапку на приклад автомата и начал из-за укрытия приподнимать ее в разных местах. Пули роем вились вокруг. Снежная пыль, кора и сучки деревьев посыпались на меня, будто их сорвало вихрем. Когда раздался глухой взрыв гранаты, пулемет замолк. Вернувшийся Барабошкин зло проговорил: «Этот гад многих наших побил».

В первой половине дня был убит наш командир взвода младший лейтенант Семин Василий. Его заменил Барабошкин. Мы отбивались от врага до вечера. Я был ранен в ногу. Когда стемнело, бой утих. Рядом со мной был Сергей Барабошкин. Тишина стояла необычная. Мы стали окликать товарищей, но оказалось, что рядом живых не было. Тогда мы с Сергеем поползли вперед, все время наткаясь на павших товарищей и трупы фашистов. Не выходя из лесу, повстречали еще одного раненого десантника (фамилию его не помню). Нас стало трое. Мы двинулись на юг, но все время встречали неприятельские заслоны. В одной из таких стычек погиб наш новый товарищ. А мы, я и Барабошкин, еще целые сутки, потеряв ориентировку, бродили по лесам, пока не повстречали лейтенанта Любимова с бойцами».

В это время майор Маслов вывел свою группу к небольшой высоте, поросшей лесом и кустарником. Справа от нее шел неглубокий овраг. В километре от этой высоты на северо-запад виднелся какой-то населенный пункт, видимо деревня Пухково. До Лаагна оставалось 2 километра. Это была конечная цель десанта.

Но тут разведка доложила комбату о том, что в районе шоссе на дороге Таллин — Нарва обнаружены большие группы противника. Да и в тылу слышалась непрерывная стрельба. Маслов понимал, что гитлеровцы пришли в себя и принимают срочные меры для ликвидации десанта. Майор приказал занять круговую оборону на высоте и вдоль оврага.

Только успели десантники на скорую руку, в снегу и мерзлой земле, соорудить ячейки, как над ними развернулись двенадцать «юнкерсов». Земля затряслась от взрывов. На окраине населенного пункта показали автофургоны, из которых на ходу выпрыгивали фашистские

солдаты. Целый батальон гитлеровцев двинулся в атаку. Одновременно с юга, от шоссе Таллин — Нарва, началось наступление противника при поддержке «тигров».

Грохот бомб слился со взрывами снарядов и мин. Султаны вздыбленного снега вместе с дымом и гарью окутали овраг и высотку. Чахлые сосенки, перебитые осколками, падали, словно срубленные. Десантники напряженно ждали приближения гитлеровцев. Огня не открывали. Было приказано встретить врага гранатами.

Как только фашисты приблизились достаточно близко, в них полетели гранаты. По сигналу комбата моряки дружно бросились в контратаку. Они расстреливали фашистов в упор. Гитлеровцы бежали, понеся большой урон.

На западной стороне высотки, там, где вражескую пехоту поддерживали «тигры», десантники пулеметным и автоматным огнем старались отсечь солдат от танков. Матросы с противотанковыми гранатами поползли навстречу «тиграм». Они подорвали четыре танка. Фашистская атака захлебнулась.

Но это было только начало.

Фашисты подошли к высотке со всех сторон и лезли буквально напролом. Не счесть числа героическим подвигам морских пехотинцев в этот день.

Мичман Доблбая Ростован Романович, родом из Армении, метко стрелял из противотанкового ружья. Он укрылся в глубине воронки от бомбы и посылал одну за другой бронебойные пули во вражеские танки. У одного из «тигров» перебил гусеницу. Танк остановился. Гитлеровцы засекли смелого бронебойщика и решили его уничтожить. Пушка «тигра» развернулась и несколько раз выстрелила в сторону, откуда стрелял десантник. Один из снарядов оборвал жизнь мужественного коммуниста. Но к «тигру» уже подползали с тыла два десантника. В одной руке автомат, в другой — противотанковые гранаты. Это старшина 1-й статьи Иван Тимофеевич Карымов и москвич краснофлотец Михаил Александрович Кузьмин.

Танкисты поздно заметили смельчаков, пулеметом их уже нельзя было достать. В панике фашисты стали покидать машину, но тут же упали, сраженные автоматной очередью. Коммунист Михаил Кузьмин бросил в открытый люк танка гранату, и тот загорелся.

В рукопашном бою краснофлотец Игнат Закусов с такой силой нанес удар автоматом по каске подбежавшего гитлеровца, что диск с патронами выпал и затерялся в снегу.

Самый пожилой из десантников — Илларион Осипович Постников — стрелял из снайперской винтовки. Он хладнокровно выбирал цель и уничтожал с первого выстрела пулеметчиков и офицеров.

Гитлеровцы неистовствовали. Какая-то неведомая сила гнала и гнала их под огонь автоматов морских пехотинцев. Вражеское командование, естественно, не могло примириться с советским десантом в своем тылу. К тому же, отразив рано утром наступление наших войск на основном фронте, гитлеровцы получили возможность бросить новые силы против балтийцев.

Старший лейтенант Василий Павлович Долгих вспоминал: «Бой длился непрерывно с 9 часов утра до позднего вечера. Мы отбили десять атак противника и уничтожили до двух батальонов гитлеровцев. Но и наши силы таяли...»

Когда стемнело, враг прекратил атаки. Однако обстрел высоты из минометов и орудий продолжался всю ночь. На ней скреплялись огненные трассы пулеметных и автоматных очередей.

Ночью Маслов собрал всех оставшихся в живых офицеров, а также тех, кто их заменил. Большинство собравшихся, как и сам комбат, были ранены. Майор подчеркнул, что наличными силами совершить прорыв вражеского кольца невозможно. Предстояло драться до последнего вздоха. Воронки от вражеских снарядов и бомб было приказано использовать для круговой обороны.

Командиру взвода разведки Михаилу Давитая Маслов поставил задачу: найти брешь в порядках противника и попытаться незамеченными покинуть высоту, чтобы любыми средствами пробиться к своим войскам и доложить о положении и местонахождении десанта.

Михаил Давитая отобрал для участия в операции четырех коммунистов — Алексея Григорьева, Владимира Голубева, Георгия Шмырева и Бориса Иванова. Он знал их как храбрых и грамотных бойцов. Разъяснений не требовалось. Задача была ясна.

Через полчаса с той стороны, куда ушли разведчики, послышалась перестрелка, раздался взрывы гранат. Видимо, разведчики наткнулись на фашистов и погибли в неравном бою.

Оставшиеся на высоте десантники, окруженные со всех сторон врагом, готовились к отражению новых атак. Саперы во главе с комсоргом роты Сазоновым выставили двадцать четыре мины на самых танкоопасных участках. Медсестра Можайская перевязывала раны бойцов. Парторг

Батальона старший лейтенант Александр Романович Филиппов, несмотря на жгучую боль в плече — пуля перебила ключицу, подбадривал десантников.

Утро следующего дня началось с появления девяти вражеских бомбардировщиков. Морские пехотинцы вкались в землю, ожидая, что на них посыпятся бомбы. Но выплывшие над верхушками сосен Ю-87 развернулись над ними и, натужно гудя моторами, пошли на север, в сторону Мерекюла. Вскоре моряки услышали далекие раскаты взрывов. Это было так неожиданно, что многие недоуменно переглядывались.

— Почему гитлеровцы бомбят место их высадки? Может, командование флотом выслало подкрепления и они высаживаются на берег? Или войска генерала Федюнинского прорвались по побережью залива?

На самом деле фашисты на второй день после высадки десанта действительно яростно бомбили Мерекюла, полагая, что в деревне еще находятся советские моряки. А в ней, кроме женщин и детей, уже никого не было.

«На следующий день (15 февраля. — В. Г.) над Мерекюла кружились и пикировали фашистские самолеты, — вспоминает один из местных жителей, Аугуст Мартин. — Они бомбили десантников, хотя десантников там уже не было. Я видел, как в ночь на 15 февраля горели вайвараская церковь, деревянное здание школы, а в Ундинурга — некоторые здания».

Кстати, часть своих злодеяний фашисты пытались приписать десанникам, чтобы дезориентировать и запугать местное население, приписать им то, что вообще несвойственно советскому воину. Инес-Астрид Хеллермаа рассказывает, что когда гитлеровцы вернулись в Мерекюла, то, обнаружив у одного из хуторов, находившихся в центре боя, труп хозяйки, Меты Шульбах, погибшей от шальной пули, прокололи его штыками и, сфотографировав, поместили в своем листке, расписывая «зверства» советских солдат.

Фашистские газеты взахлеб писали и о том, как немецкие гранадеры оказали первую медицинскую помощь сдавшемуся в плен легко раненному десаннику (единственный случай малодушия). И это в то время, как на мерекюльском берегу гитлеровцы зверски уничтожили группу тяжело раненных десантников вместе с майором медицинской службы Николаем Терентьевичем Крыловым и санинструктором Надеждой Павловной Ковалевской.

Разгром штаба фашистской дивизии, быстрое и решительное продвижение десанта на юг серьезно встревожили фашистское командование. Оно лихорадочно бросало против советского десанта все, что было возможно. В итоге против батальона морских пехотинцев действовали довольно крупные силы.

Вот что писали сами нацисты. В газете «Северное слово» от 25 февраля 1944 года в статье «Мерекюльский приказ» есть следующее признание: «В ожесточенном бою гранадеры одной германской пехотной дивизии, танковые роты и подразделения... добровольческого легиона СС разбили ворвавшегося неприятеля. Только горсть советских бойцов была захвачена в плен».

Другая фашистская газета — «Эсти сына» — от 18 февраля 1944 года констатировала: «После того как удалось окружить в болотистой лесной чаще остатки десанта, были использованы штурмовики в сопровождении истребителей...»

Та же газета 26 февраля 1944 года сообщила читателям: «Немедленно предпринимается новая атака. Хотя у противника нет больше видов на спасение, он продолжает отчаянно сопротивляться. При помощи «тигров» прорыв совершен. Для поддержки «тиграм» прибывают штурмовые орудия. Противник пытается выступить против танков с ручными гранатами и залповой стрельбой...»

Если отбросить словесную шелуху, то четко прослеживается следующее: в помощь гитлеровским гранадерам были приданы «тигры», в помощь «тиграм» — штурмовые орудия, а также авиация.

Помимо своей воли, фашисты проговаривались о необыкновенной стойкости и силе советских десантников.

Всего, по признанию фашистских газет, против морских пехотинцев батальона Маслова гитлеровское командование бросило в бой: одну пехотную дивизию; танковые роты (число не указывается); подразделения легиона СС; штурмовую и истребительную авиацию; зенитные и береговые артиллерийские батареи; подразделения береговой обороны.

Против каждого десантника было выставлено до тридцати фашистских солдат с артиллерией, минометами, танками и авиацией.

На подступах и склонах высоты, обороняемой масловцами, образовался так называемый «слоеный пирог», где попеременно дрались группы десантников и фашистов. Схватки часто перерастали в рукопашный бой.

Старший лейтенант Василий Семенович Ильющенко рассказывает, что на второй день боев фашистам удалось отсесть группу десантников в количестве двенадцати человек. Кроме него в ней оказались капитан Ф. Д. Сапелкин и мичман М. Н. Касаткин. Моряки по кустам, оврагам и перелескам, не замеченные, оторвались от врага. Они продвигались в направлении станции Аувере. Где-то недалеко от линии фронта группа наткнулась на засаду фашистов. Гитлеровцы окружили десантников. Балтийцы дрались до последнего. Ильющенко вместе с Касаткиным вдвоем продолжали путь к линии фронта. 18 февраля в лесу они наткнулись на вражеский патруль. Касаткин очередью из автомата сразил одного из солдат, но сам был смертельно ранен. Ильющенко удалось уйти от преследования. Под утро 19 февраля он встретил в лесу двух советских разведчиков, которые привели его в расположение советских войск.

Другая группа десантников, в двадцать четыре человека, в основном раненные, также оказалась отрезанной от основной части группы Маслова. Отбиваясь от наседавших фашистов, моряки под покровом ночи отошли к двум сараям, стоявшим километрах в двух-трех от высоты. На рассвете им пришлось вновь вступить в схватку с отрядом неприятельских лыжников, одетых в маскхалаты.

«Во время рукопашной,—вспоминает старший лейтенант Василий Павлович Долгих,—меня окружили со всех сторон фрицы, и один из них нанес мне сильный удар прикладом по голове. Я потерял сознание. Когда открыл глаза, увидел, что на мне нет сапог. Два фашиста босым отвели меня на хутор. Потом бросили в кузов машины, довели до станции и втолкнули в вагон, набитый узниками. Враги отправили меня в Саласпилсский лагерь военнопленных, где мне пришлось испытать немалые муки».

А на самой высоте основная часть десантников группы Маслова продолжала вести неравный бой. С южной стороны фашисты вновь атаковали при поддержке танков и бронетранспортеров. Но мины, поставленные ночью саперами Сазонова, помогли удержать противника. По свидетельству самого Сазонова, в этот день подорвались на минах и были уничтожены гранатами несколько танков, бронетранспортеров и самоходных орудий.

Несмотря на большие потери и непрерывные атаки фашистов, морские пехотинцы не теряли боевого духа.

Во второй половине дня 15 февраля погиб командир батальона Степан Петрович Маслов.

В воспоминаниях оставшихся в живых десантников место и время гибели комбата совпадают. Но, как часто бывает в подобных случаях, обстоятельства самой гибели передаются с оттенками. Ясно одно: комбат Маслов принял смерть достойно, как подобает офицеру-коммунисту. На высоте он был вторично ранен, на этот раз тяжело — в живот. Это не помешало ему примерно в 16 часов 15 февраля в критический момент боя личным примером увлечь моряков в очередную контратаку. Когда Маслов перед броском поднялся во весь рост с двумя пистолетами в руках, автоматная очередь оборвала жизнь Степана Петровича.

Некоторое время оставшимися на высоте моряками руководил заместитель командира батальона по политчасти капитан Дмитрий Петрович Саньков. Истекающий кровью офицер-политработник подбадривал бойцов.

Третья ночь в тылу врага стала для десантников самой трудной. Ударил морозы. Промокшая одежда превратилась в жесткий ледяной панцирь. Продовольствия не было. Боеприпасы на исходе. Остается удивляться тому, как сумели масловцы продержаться еще более двух суток.

И не только продержаться, но и сражаться с не меньшим упорством, чем прежде.

В ночь на третий день саперы вновь поставили мины на подходах к высоте. На сей раз их было семнадцать. Пять танков подорвались наутро на них. Другие были взорваны гранатами и подожжены бронебойными пулями. На четвертый день танковых атак уже не было. Фашисты не рисковали идти и в открытый бой. Они блокировали наглухо высоту, осыпая ее минами и бомбами.

«Я шел в десант не новичком,—писал в 1971 году старший лейтенант В. П. Долгих,—за плечами был богатый боевой опыт: мне довелось сражаться с фашистскими захватчиками в рядах защитников острова Хийумаа, героического гарнизона полуострова Ханко, командовать 612-й отдельной ротой Краснознаменного Балтийского флота на подступах к городу-герою Ленинграду. Был свидетелем многих поистине выдающихся подвигов, которые совершали советские воины в боях с ненавистными фашистами. Но до сих пор, вспоминая войну, сражения, в которых пришлось участвовать, боевые эпизоды, очевидцем которых довелось быть, я не могу назвать более героического, более яркого и мужественного подвига, чем огневой рейд десантников батальона Маслова. Да, они почти все погибли. Но какой ценой фашисты заплатили за их гибель!».

БАТАЛЬОН ЗАДАЧУ ВЫПОЛНИЛИ

Пока десантники С. П. Маслова более ста часов непрерывно вели ожесточенные бои в тылу врага, навстречу им на гитлеровские позиции наступали части 30-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием Героя Советского Союза генерала Н. П. Симоняка, в том числе и 63-я гвардейская дивизия. Эта гвардейская часть, так же как и масловцы, в основном состояла из бывших героических защитников Гангута¹.

«...11 февраля 1944 года, — рассказывает генерал-лейтенант в отставке С. И. Кабанов, бывший командир военно-морской базы Ханко, лично знавший многих из участников описываемых событий еще по Гангуту, — 63-я гвардейская дивизия, сосредоточившись на исходных позициях в районе деревни Кривасоо (Криуши), после артиллерийской подготовки пошла на штурм гитлеровцев по льду реки Наровы, который был сильно взломан артиллерийским и минометным огнем.

Большинство атакующих, достигших противоположно-го берега, совершенно промокли. Но ни вода, ни плотный артиллерийский и минометный огонь в сочетании с пулеметами, бьющими из дзотов, не смогли остановить гвардейцев. Они прорвали первую линию обороны и прочно зацепились за берег. Плацдарм был захвачен.

12 февраля на плацдарм были переправлены остальные эшелоны дивизии. Начались яростные контратаки гитлеровцев. 63-я гвардейская наступала в направлении станции Аувере. В первом эшелоне наступающих была и 66-я отдельная гвардейская рота разведчиков под командованием старшего лейтенанта Е. И. Тихонова.

К исходу 12 февраля наступление приостановилось. Местность была открытая, поросшая мелким и редким соснячком. Кругом болото, причем незамерзшее. По полотну железной дороги ходили немецкие мотодрезины с шестиствольными минометами и вели огонь по нашим частям. Рядом с ними действовали и четыре танка типа «тигр». Они тоже вели сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Гвардейцы несли большие потери».

И вот тут им на помощь и пришел десант батальона С. П. Маслова.

Оказавшись в исключительно сложной обстановке, десантники сделали все, что могли, для выполнения постав-

¹ Русское название полуострова Ханко.

ленной перед ними задачи: отвлечь на себя внимание противника и помочь 63-й дивизии расширить Аувереский плацдарм. Своими решительными действиями морские пехотинцы прорвали вражескую береговую оборону, разгромили штаб дивизии СС и вышли к важнейшим коммуникациям противника.

Масловцев не испугали ни гитлеровские гренадеры, ни «тигры», ни «юнкерсы». В ожесточенных боях они истребили около полутора тысяч фашистских солдат, более двух десятков танков¹.

Батальон майора Маслова оказал важное содействие войскам Ленинградского фронта в выполнении основной боевой задачи. Командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров так оценил действия десантников Маслова: «Высаженный в районе деревни Мерекюла десант выполнил свою задачу тем, что отвлек значительные силы врага от обороны западного берега реки Наровы и тем самым значительно облегчил выполнение боевой задачи дивизиям Ленинградского фронта по захвату и расширению плацдарма».

17 февраля части 30-го гвардейского корпуса нанесли новый удар по противнику, сломали его оборону, ослабленную и за счет того, что часть своих сил противник бросил против десанта, и расширили плацдарм на западном берегу реки Наровы в глубину до 20 километров. Железная дорога Нарва — Раквере была перерезана в районе станции Аувере. Аувереский плацдарм, как заноза, впился в самое сердце оборонительной линии «Танненберг» и причинил большое беспокойство гитлеровскому командованию. Противник предпринимал отчаянные попытки отбросить наши войска за реку Нарову. Однако врагу так и не удалось — ни в феврале 1944 года, ни в последующее время — ликвидировать Аувереский плацдарм. Он сыграл важную роль в наступательных операциях советских войск летом и осенью 1944 года².

В течение полугода гитлеровцы держали под Нарвой и вокруг Аувереского выступа большую массу войск. Противник не мог их перебросить ни на юг Украины, ни в Белоруссию, ни в Карелию, где от мощных ударов советских войск весной и летом 1944 года трещал весь Восточный фронт гитлеровцев.

¹ См. «Легендами овеванная. Морская пехота в боях за Ленинград». Л., 1975, стр. 359.

² См. П. Ларин. Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Таллин, 1964, стр. 206—212.

Командиры и штабы армейских соединений, которым было поручено наступать навстречу десантникам, командование флотом, руководство десантной операцией с первого же дня высадки масловцев делали все возможное, чтобы установить связь с ними, уточнить их местонахождение, оказать помощь.

Уже 14 февраля Е. И. Тихонов, командир упоминавшейся 66-й отдельной гвардейской роты разведчиков, получил приказ: проникнуть в тыл противника, отыскать высаженный с моря этой ночью батальон моряков и вывести его на станцию Аувере.

«Мы не знали,— пишет разведчик этой роты гвардии мичман Ф. Д. Лукьяненко,— что мы, гангутцы, идем на встречу с гангутцами же. Мы только знали, что высажен батальон моряков и что он попал в беду.

Трижды наша рота пыталась проникнуть в тыл немцев, и каждый раз не могли это сделать. Слишком силен был противник, а в роте оставалось всего около сорока человек вместе с легкоранеными».

Командование флотом посылает самолеты-разведчики. Низкая облачность, истребители противника и плотный зенитный огонь мешают осмотреть заданный район.

Около 12 часов дня 14 февраля от одного летчика поступил доклад, что северо-западнее Удриа он наблюдает бой отдельных групп десантников. Никаких сигналов от них принято не было.

В 17.00 наши истребители с целью установления связи с десантом сбросили вымпелы в районах Княпсаре, Блоки и железнодорожной станции Аувере. Десантникам предлагалось показать самолетам ракетными сигналами согласно условным таблицам, нуждаются ли они в радиостанциях. В ответ на это при вторичном полете в пункте, где был дан условный сигнал, десантникам должны были сбросить на парашюте новую радиостанцию. Но никаких сигналов вновь не поступило.

15 февраля в 4 часа 10 минут утра самолет Пе-2 в районе Удриа выбросил разведчика-парашютиста с рацией для установления связи с десантом. За два дня от него поступило четыре донесения о том, что он продолжает поиски. 16 февраля связь с разведчиком оборвалась.

В этот же день, 16 февраля, эскадрилья под командованием капитана Ивана Ивановича Цапова из 3-го гвардейского истребительного авиаполка Краснознаменного Балтийского флота в районе Аувере — Репнику встретила восемнадцать фашистских самолетов Ю-87, направляю-

щихся, видимо, на бомбежку десанта. Летчики-балтийцы сбили четыре вражеских самолета.

Связь с десантниками установить так и не удалось.

Батальон Маслова погиб. Погиб, выполнив поставленную перед ним задачу. «Могу с гордостью сказать,— заявил в 1971 году корреспонденту ангарской газеты «Знамя коммунизма» участник этих боев бывший командир взвода ПТР старший лейтенант Василий Семенович Ильющенко,— все, кто был в этом десанте, сражались с исключительной отвагой и мужеством, которые всегда были отличительной чертой морской пехоты. И мои боевые товарищи героической своей смертью вписали славную страницу в историю Великой Отечественной войны».

Подвиг моряков не забыт народом.

В 1972 году 8 мая, в канун праздника Победы, на обрывистом берегу Нарвского залива, у деревни Мерекула, состоялось торжественное открытие памятника десантникам. Сюда собрались трудящиеся Нарвы, Силламяэ, Кохтла-Ярве, колхозники из окрестных сел, школьники, представители Советской Армии и Военно-Морского Флота. Пришли сюда и герои-десантники, родные и близкие погибших, ветераны морской пехоты Балтики.

Не узнать теперь мест бывлых боев. Если смотреть от места высадки прямо на юг, видны трубы Эстонской ГРЭС. Направо высокие прямоугольники белых зданий нового города Силламяэ. Вдоль залива по берегу раскинулись разноцветные коттеджи санаториев, домов отдыха, молодежных туристских баз. Всеми цветами радуги играют зонтики тентов, киоски, кабинки, качели. Спокойно плещется море. Оно сверкает бликами весеннего солнца. В небе поют жаворонки.

На крутом берегу сотни людей, цветов, флагов, венков. Оркестры играют мелодии военных лет. Начинается митинг. Его открывает заведующий отделом ЦК Компартии Эстонии П. Н. Васиков. Под звуки Гимнов Советского Союза и Эстонской ССР и оружейные залпы салюта медленно спадает покрывало, закрывающее памятник. Покрывало снимают Мария Александровна Маслова, жена погибшего комбата, и бывший десантник Александр Васильевич Засосов.

Когда они бережно опускают ткань, собравшимся открывается необычный памятник. На огромной глыбе красного гранита, увенчанного золотой пятиконечной звездой,

покоится морской якорь с цепью. На полированной плите золотом надпись по-русски и по-эстонски:

«Здесь, в Мерекюла, в феврале 1944 года героически сражались моряки-десантники за освобождение Советской Эстонии от немецких фашистов. Вечная слава героям!»

СУДЬБЫ ГЕРОЕВ И ВСТРЕЧИ

Через годы пронесли оставшиеся в живых масловцы верность мужеству и высоким традициям морской пехоты, сохранили живую память о своих героических друзьях.

Храбро сражались в последующих боях Анатолий Мефодиевич Любимов, Иван Васильевич Метеуш, Василий Семенович Ильющенко.

Тяжелые ранения не дали возможности вернуться в строй Александру Васильевичу Засосову, Григорию Васильевичу Семенкину, Николаю Ивановичу Иванову.

Сквозь все муки фашистского плена прошли Василий Павлович Долгих, Иван Семенович Викулов, Алексей Ефимович Сыгчев, Николай Васильевич Сазонов, Анатолий Кузьмич Макеев, Петр Иванович Куршаков, Степан Гаврилович Неумержицкий и Борис Константинович Пинеев.

Не все дожили до славного Дня Победы.

По-разному сложились их послевоенные судьбы.

Александру Васильевичу Засосову ампутировали большую часть ступней на обеих ногах. Ему делали сложнейшие операции, чтобы срастить челюсть, нарастить пробитую переносицу, зашить раны на лице. Но не мог молодой балтиец примириться с инвалидностью. Еще тогда, в Кремле, где вручал ему награду сам Михаил Иванович Калинин, Засосов решил сделать все, чтобы, как Алексей Маресьев, вернуться в строй. Десятки раз перечитывая «Повесть о настоящем человеке», Засосов упорно отработывал походку на укороченных ступнях. Борода и усы скрыли шрамы на лице. Менее чем через год уже никто не мог сказать, глядя на бравого парня, что он покалечен войной.

Вскоре Александр Васильевич узнал, что создается китобойная флотилия. Всеми правдами и неправдами он стремился попасть в ее штат. Коммунисты поддержали мужественного десантника. Он много плавал по морям и океанам, несколько раз ходил в Антарктиду. Окончил Калининградский технический институт рыбной промышленности и хозяйства и аспирантуру при нем. Стал кандидатом технических наук, а затем и ректором того института,

выпускником которого был. Многие годы работал заведующим лабораторией научно-исследовательского института.

В октябре 1961 года, через шестнадцать памятных лет, он был снова в Кремле, где, как делегат XXII съезда КПСС, голосовал за новую Программу партии, программу мира и созидания.

В 1974 году Александр Васильевич Засосов скончался.

Григорий Васильевич Семенкин вышел из госпиталей лишь в августе 1945 года. С инвалидностью своей, как и Засосов, мириться не пожелал. Пошел работать на завод автомоторэлектрооборудования в Калуге, на котором трудился более двадцати лет. Одним из первых в коллективе был удостоен звания «Ударник коммунистического труда».

Выступая в День Победы в 1971 году на общегородском митинге в Нарве, на котором ему вручили алую ленту Славы, Григорий Васильевич говорил:

— На днях наша семья проводила сына в армию. Я дал ему наказ: «Служи, сынок, честно! Береги мирный труд народа, он достался нам нелегкой ценой!» И я верю, что наши сыновья будут не хуже нас. Они сумеют постоять за Родину, оградить ее от любых посягательств, послужить на благо миролюбивой политике нашей партии...

Старший лейтенант Василий Семенович Ильющенко продолжал службу в 260-й отдельной бригаде морской пехоты. Высаживался с десантом на острова Выборгского залива, в Таллине. После войны строил молодой город Ангарск, Братскую ГЭС. Вырастил семерых детей. В настоящее время пенсионер, проживает в Ангарске.

Иван Васильевич Метеуш живет в городе Дунаевцы Хмельницкой области — командир отделения пожарной части.

Бригадиром строителей был долгие годы в селе Кужном Мордовского района Тамбовской области бывший комвзвода десанта старший лейтенант Василий Павлович Долгих. Его освободили из Саласпилса наступающие советские войска. Незадолго до смерти, в 1971 году, он прислал свои подробные воспоминания о мерекюльском десанте. Они были опубликованы в газете «Молодежь Эстонии» 15 августа 1971 года.

Комсорг саперной роты 260-й отдельной бригады морской пехоты Николай Васильевич Сазонов стал заслуженным учителем РСФСР, многие годы возглавлял партийную организацию колхоза «Серп и молот», что на Рязанщине. Во время войны ему ампутировали одну ногу до колена, другую выше колена. В письме он писал: «Разве

можно забыть Мерекюла? Помню все до малейшей подробности. Больно и горько за погибших товарищей. Но я горжусь тем, что был у Мерекюла!»

Иван Семенович Викулов — рабочий на мебельной фабрике «Молога» в городе Пестово Новгородской области. Ударник коммунистического труда.

Алексей Ефимович Сычев вот уже более пятнадцати лет работает лесником в родном селе Сосновка под Саратовом.

Десантника Николая Ивановича Иванова, раненного во время боя в голову и ноги, подобрал эстонский крестьянин и укрыл его в бане. Через несколько дней с риском для жизни он переправил Иванова в расположение советских войск. Врачам пришлось ампутировать Николаю Ивановичу ногу, чтобы спасти ему жизнь. Поправившись, он работал в Ленинграде.

Анатолий Кузьмич Макеев давно на пенсии, живет он в Вильнюсе.

Из Марийской АССР недавно приезжал в Музей дважды Краснознаменного Балтийского флота Петр Иванович Куршаков. Он работает на заводе в Йошкар-Оле машинистом компрессорной установки. Петр Иванович побывал в Мерекюла — там, где высаживался десант, и там, где шли бои с гитлеровцами.

Степан Гаврилович Неумержицкий живет в Красноярске, а Борис Константинович Пинеев в Ленинграде. Оба трудятся в народном хозяйстве.

Ординарец Маслова — краснофлотец Ефремов Владимир Петрович — был тяжело ранен на корабле при высадке десанта и доставлен на Лавенсари. В настоящее время проживает в Псковской области, инвалид Великой Отечественной войны.

Вместе с Ефремовым на Лавенсари доставили и других раненых десантников. Среди них были Степан Николаевич Демичев и Иван Александрович Тимашев. После выздоровления они продолжили службу в 260-й бригаде морской пехоты, участвовали в освобождении Таллина и Моонзундских островов.

Известны судьбы и некоторых членов героического экипажа «ВМО-176».

Иван Васильевич Редкобаев продолжал службу на кораблях. В годы войны был трижды ранен и один раз контужен. Награжден тремя орденами и семью медалями. Участвовал в освобождении Таллина и островов в Финском заливе. В настоящее время работает в театре имени

Пушкина в Ленинграде. Инвалид Великой Отечественной войны.

Степан Дмитриевич Миронов вернулся в свою часть. При тралении в Нарвском заливе был тяжело ранен. Сейчас проживает и работает в Омске. Это люди не только героической, но и удивительной судьбы.

Как не вспомнить здесь теплые слова Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, сказанные им на XXIV съезде партии:

«...Нельзя не сказать доброго слова о наших фронтовиках, о тех солдатах и командирах, которые в годы Великой Отечественной войны отстаивали свободу нашей Родины. После колоссального напряжения военных лет им и отдохнуть не пришлось: фронтовики снова оказались на фронте — на фронте труда. Многие из фронтовых товарищей уже нет с нами. Но миллионы еще в строю. Одни продолжают службу в армии, другие отдают Родине свои знания и труд на заводах и стройках, в колхозах и совхозах, в научных институтах и школах. Пожелаем всем им хорошего здоровья, счастья, новых успехов в труде во имя коммунизма».

Несколько слов о встречах с семьями героев.

Степан Петрович Маслов был бы горд за своих родных. Одна, без мужа, Мария Александровна Маслова подняла и поставила на ноги двух детей. Родина не забывала семью героя. Ныне дочь Степана Петровича Тамара сама растит двух детей: сына и дочь, работает техником на Минской АТС. Сын Сергей, которому к началу войны было всего три месяца, — известный мастер 1-го Минского автобусного парка, имеет дочь. Сама Мария Александровна была на пенсии, но продолжала работать в одном из отделений связи в Минске. В конце 1978 года она скончалась.

Долгое время не удавалось разыскать близких Владимира Александровича Малкова, даже фотографии его у нас не было. Но вот как-то осенью 1973 года мне довелось посетить с лекциями некоторые острова в Финском заливе. В тот раз я рассказывал о мерекюльском десанте. Среди слушателей были и женщины, видимо жены военнослужащих.

Когда лекция закончилась, ко мне из зала подошла энергичная, моложавая слушательница и неожиданно спросила:

— А старший лейтенант Малков, случаем, не Владимир Александрович?

Можно представить мое удивление.

Оказалось, что во время войны семья моей собеседницы, В. Л. Оборотовой, жила в Кронштадте. Вместе с ее братом к ним в дом часто приходил Владимир Александрович Малков. Он запомнился ей как очень энергичный и веселый человек, увлекающийся театром и концертами: «Не пропускал ни одного концерта в Кронштадте, несмотря на блокаду». Малков хорошо пел сам и играл на гитаре. Часто рассказывал о жене, ребенке, родителях. Говорил всегда о них с грустью и тревогой, ибо о судьбе их ничего не знал. Они находились на временно оккупированной врагом территории. Хотя это и было рядом, в нескольких десятках километров от Кронштадта, но путь до них был долгий и трудный — через победу.

Старший лейтенант был худощав, жилист, выше среднего роста, физически тренирован и крепок. Когда уходил в десант, сказал: «Я обязательно вернусь, я родился под счастливой звездой!» Малков оставил Оборотовым для сохранности свой диплом об окончании вуза и маленькую фронтовую фотографию на память.

В. Л. Оборотова пообещала прислать эти документы в музей. Слово свое она сдержала.

А через два с половиной года после встречи с ней, апрельским днем 1976 года, в мой кабинет вошли две женщины, пожилая и молодая, и с ними девочка лет пяти.

— Мы к вам из Ленинграда!

Через минуту выяснилось, что это жена, дочь и внучка Владимира Александровича Малкова. Это был один из самых памятных дней в моей жизни. Я узнал многое об этом герое мерекольского десанта.

Со своим будущим мужем Клавдия Александровна познакомилась в 1937 году, когда он, 25-летний парень, учился на первом курсе Гидрографического института в Ленинграде. Учился он блестяще. В летнее время уезжал на практику на Север. Был на Шпицбергене, на Земле Франца-Иосифа, на Новой Земле. Мечтал стать полярным исследователем. С увлечением рассказывал о Русанове¹, тундре, белых медведях... Когда Владимир бывал в Ленинграде, ходили на каждую театральную премьеру. Володя любил петь, любил гитару и до самозабвения плясал «цыганочку». В 1940 году родилась у молодых дочь. Назвали ее Людмилой. Жили у родных в селе Ивановском.

¹ Русанов Владимир Александрович (1875—1913) — известный полярный исследователь. Возглавляемая им экспедиция пропала без вести в 1913 году. В настоящее время редакция «Комсомольской правды» проводит поиск следов экспедиции Русанова.

В июне 1941 года, когда Владимир Малков сдавал государственные экзамены, началась война. 25 августа был сдан последний экзамен, а 30 августа В. А. Малков явился в облвоенкомат.

В ночь перед этим фашистские самолеты жестоко бомбили Мгу. Никто не спал. Люди собирали и прятали вещи. Володя упаковал в деревянный сундук книги — Малую Советскую Энциклопедию, собрание сочинений В. И. Ленина — и зарыл его в ближайшем сосняке.

Рано утром всей семьей провожали Владимира на станцию. Выяснилось, что поезда в сторону Ленинграда уже не идут. Пошли к шоссе. Оттуда на попутном грузовике Малков уехал в Ленинград. Клавдия Александровна сдерживает слезы: «Больше я его не видела». Не было ни одного письма, ни одной весточки. В тот же день в Ивановское пришли немцы. Малкову с дочерью фашисты погнали по лагерям. Только в 1945 году вернулись домой. А вскоре пришло извещение, где говорилось, что Владимир Александрович пропал без вести.

И Клавдия Александровна и Людмила Владимировна неотрывно смотрели на маленькую фронтовую фотографию. Впервые в жизни они видели мужа и отца в военной форме. Они улыбались ему сквозь слезы радости, слезы встречи. И только маленькая Илонка смиренно сидела в кресле, не понимая маминых и бабушкиных слез, еще не ощущая той радости и волнения, которые приносят человеку встречи с прошлым.

И еще об одной встрече, которая на первый взгляд не имеет прямого отношения к нашему рассказу.

Это произошло на следующий день после того, как газета «Молодежь Эстонии» опубликовала несколько выдержек из фашистских газетных корреспонденций тридцатилетней давности, посвященных мерекольскому десанту.

По телефону сначала женщина, а потом и мужчина уверяли нас, что человек, который в годы войны подписывал свои статьи: «Военный корреспондент СС», и ныне проживает в Таллине и работает на одном из заводов.

Конечно, небезынтересно увидеть этого «военного корреспондента СС». Как-никак, а он был на месте тех событий, о которых хотелось знать как можно больше.

И вот мы на заводе.

В просторный светлый кабинет бодро входит плотный, невысокого роста, элегантно одетый человек в очках. Спокойное, розовое лицо без заметных морщинок. Оно говорит о благополучии и спокойствии. Совсем неплохо

сохранился этот человек в свои 60 лет, и, видимо, бури суровых испытаний не очень-то потрепали его здоровье и нервы.

Разглядев на мне военно-морскую форму, он смутился, чуть больше порозовел, но без всякого волнения произнес:

— Я догадываюсь, зачем меня пригласили.

Знакомимся.

Интересуюсь, был ли он на месте высадки десанта?

Был. 20 февраля 1944 года. Видел тела убитых десантников. Фашисты трупы своих солдат уже убрали. Стояли сожженные остовы машин, автобусов, обгоревшие танки. Брал интервью у моряков-артиллеристов береговой обороны, у офицеров, участвовавших в боях...

Справедливости ради следует сказать, что от бывшего «военного корреспондента СС» мы впервые узнали о том, что в Мерекюла десантники разгромили штаб 20-й дивизии СС, во взводе корреспондентов которой он и служил.

Показываем фотокопии его статей в фашистских газетах.

Читает внимательно.

Говорит монотонно:

— Без немецкой цензуры ни один материал не печатался. Они как хотели, так и правили его.

...Перед войной он был студентом Тартуского университета. С приходом фашистов националистическая волна подхватила его, закружила и забросила в СС. Да иначе не могло и быть. Отец его издавна владел водяной мельницей в селе, неподалеку от Выру, и нещадно эксплуатировал окрестных хуторян. И сын рос хозяином, собственником, а следовательно, и противником коммунистических идей, противником советского образа жизни. Как подросток, подался в «Омакайтсе»¹, где вскоре выбился в руководители. И гитлеровцам служил верой и правдой. Две медали и железный крест II класса красовались в войну на его груди.

Нет, мы не утверждаем, что «корреспондент СС» стрелял в советских солдат. Он клеветал на них, на Родину, на свой народ. Чувствуя вину, бежал вместе с гитлеровцами. Попал в плен уже в Берлине. Боясь возмездия, назвался немцем, присвоив себе фамилию Ензен. Каялся. А в душе продолжал оставаться ярким антисоветчиком. Даже в лагере военнопленных, под Пятигорском, вступил в фашистскую подпольную организацию.

¹ Националистическая военизированная организация профашистского типа.

Контр-адмирал Г. В. Жуков провожает десантников

Бывшие десантники (слева направо) Н. В. Сазонов, И. В. Метеуш и А. В. Засосов на встрече с моряками-балтийцами

А. В. Засосов и вице-президент Академии наук Эстонской ССР академик В. А. Мамяги на открытии памятника. Май 1972 года

У памятника десанникам М. А. Маслова и А. В. Засосов

В начале 1948 года мнимого Ензена разоблачили и арестовали. Осудили по заслугам, строго. Когда же Советское правительство, исходя из принципов социалистической гуманности, объявило амнистию, ее сочли возможным распространить и на него.

После амнистии он приехал в Эстонию. Поселился в Таллине. Пошел работать на завод.

Я слушал сухой, как бы выученный рассказ и думал: «Даже изломанная и незавидная жизнь этого человека — неплохая иллюстрация для тех, кто выдумывает сказки о «диких преследованиях» и «попрании прав человека» в Советском Союзе».

А еще мне думалось: «Наша победа не только спасла мир от коричневой чумы и не только изменила жизнь многих народов, она перевернула и личные судьбы многих людей, сделав их жизнь чище и богаче». И ко всему этому — благородному и человеческому — лично причастны и морские пехотинцы батальона майора Маслова, отдавшие жизнь за торжество гуманизма и справедливости. Вот почему я счел нужным рассказать здесь и об этой встрече.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Письма, письма и письма...

Они адресованы комсомольцам и пионерам средней школы № 15 города Таллина. Школьники с помощью центрального штаба экспедиции «Десант» создали интересный клуб, который назвали «Поиск». Возглавила его педагог-коммунист Лариса Григорьевна Калинина, завуч школы.

Музей дважды Краснознаменного Балтийского флота передал клубу список десантников, которые высадились в Мерекюла 14 февраля 1944 года. В нем имелись адреса, по которым в апреле 1944 года пошли воинские извещения с краткой, но страшной формулировкой: пропал без вести. Тогда семьям десантников, с нетерпением ожидавшим писем с фронта, ничего другого командование сообщить не могло.

И вот спустя 28 лет по этим же адресам полетели новые письма, написанные комсомольцами и пионерами.

Трогательно до слез было видеть, как парнишки и девчонки, долго подбирая и обдумывая каждое слово, сочиняли эти письма. Они понимали всю важность взятого на себя дела. Их слова могли принести облегчение истомившемуся в ожидании сердцу, но они могли и разбередить давно зарубцевавшуюся рану. То обстоятельство, что

письма сочиняли школьники, еще не изведавшие ни бед, ни горя, имело свой гуманный и педагогический смысл.

Каждое теплое слово, каждая фраза, сказанная в утешение незнакомому человеку, откладывали в ребячьих душах кристаллики человеколюбия, чуткости к чужому горю, потребности переживать не только за себя, но и за других. И теперь, когда по несколько раз прочитаны и пересмотрены все эти пачки полученных писем, мы утверждаем: клуб «Поиск» сделал святое дело!

Безутешно горе матери, не дождавшейся с войны единственного сына, и совсем плохо, если не знает она, где покоится его прах. На каждом обелиске братской могилы по несколько раз перечитывает она от первой и до последней все фамилии в надежде найти дорогое имя.

А это письмо из села Гели, что недалеко от Махачкалы. Отсюда уходил на войну Абдул Гашимов, да так и не вернулся домой. Жена Гашимова, Умукусум Атаевна, просит сообщить, при каких обстоятельствах погиб и где похоронен ее муж.

Это письма из Тулы от родственников десантника Блахнина Александра Федоровича, из Ленинграда от брата десантника Яковлева Артема Васильевича, из Москвы от жены и дочери главного старшины Кальнова Дмитрия Семеновича.

Вот письмо из Новосибирска от Хандогиной Ольги Васильевны: «Мой сын — Хандогин Петр Архипович — родился 20 июня 1924 года и в 1942 году добровольно ушел на фронт. Когда и где, при каких обстоятельствах он погиб, мы не знаем. К нам приходила «похоронная», что Хандогин Петр пропал без вести. Если Вам что-либо известно про смерть моего сына, очень прошу Вас сообщить мне».

Письмо из Заолешенского сельсовета Курской области. Секретарь сельсовета сообщает, что десантник Ворона Григорий Сергеевич родился в 1921 году, что мать его умерла в 1944 году, а брат Яков погиб в Ленинграде в годы войны. Других родственников нет.

Куда только не писала все эти годы Евдокия Дмитриевна Васильева из Чувашии, разыскивая своего сына Савелия! Ответ был один: «Пропал без вести!»

И вот спустя 28 лет старая женщина узнала, что солдат Савелий Васильевич Васильев принял геройскую смерть у Мерекюля.

Нам неизвестны подробности его гибели. Может быть, он упал, сраженный при штурме вражеской батареи, мо-

жет быть, со связкой гранат бросился под танк, может быть, истекая кровью и не желая попасть в плен, когда к нему тянулись руки фашистов, взорвал последнюю гранату... Но нам точно известно, что, уходя в бой, старший краснофлотец Васильев писал: «Прошу считать меня коммунистом». И, как подобает коммунисту, он шел в первых рядах атакующих и пал в том неравном бою на мерекюльском берегу. Васильев ушел в бессмертие за десять дней до своего дня рождения. Ему должно было исполниться 20 лет. Вот таким молодым и остался он навечно для матери. И она, поседевшая от горя и времени женщина, говорит:

— Спасибо, родненькие! Вы вернули мне сына...

Эта признательность пионерам-следопытам, организаторам поиска, всем, кто участвовал в нем, тем кто искал, ищет и находит, тем, для которых в нашей стране призыв «Никто не забыт!» стал боевым девизом.

Есть немало возвратившихся писем. На конвертах отметки: «Такой деревни теперь нет, на ее месте вырос новый город», «Адресат по указанному адресу не проживает», «Указанной на конверте улицы сейчас нет», «В адресном бюро адресат не значится» и т. п.

Жизнь идет своим чередом, и все меняется. Это закономерно. Но большинство писем все же находит того, кому они адресованы.

Ребята из клуба «Поиск» направили письмо в село Петропавловка, что на Днепропетровщине, родственникам погибшего десантника Григория Корнеевича Бурлая. Письмо не нашло адресата. Родственников в селе не оказалось. Но добрые люди на почте поняли, что письмо необычное, и вскрыли его. Всем селом вспоминали, где можно разыскать адресата.

От человека к человеку, от села к селу бежала весть о том, что таллинские школьники ищут родственников погибшего балтийского моряка. И люди нашли родную сестру героя.

В школу пришел ответ из города Димитрова (Донбасс) от Татьяны Корнеевны Скачко. Вот строчки из него:

«Автобиография Гриши невеселая, как и все его детство. Григорий родился 17 ноября 1918 года в семье крестьянина Корнея Дмитриевича Бурлая. В 1919 году наш отец был красным командиром. Вернувшись с войны, заболел тифом и умер. Мать — Мария Михайловна — умерла в 1924 году, когда Грише было 6 лет, а мне — 9. Воспитывались мы у бабушки Тимофеевой Евдокии, маминой

мамы. В 1933 году умерла бабушка. Гриша подростком пошел работать на железную дорогу, а в 1938 году его призвали в армию. Несмотря на недостатки и невзгоды, он был честным и справедливым, добрым, чутким и нежным. Я вам так пишу не потому, что он мой брат. Его нельзя сравнить с другими. Он был красивый, стройный, высокий — рост 2 метра 3 сантиметра. Я его видела последний раз 14 июня 1941 года, а 22 июня началась война. Сейчас у меня три дочери... Я хочу, чтобы он не был забыт. Он меня не забывал до последнего дня. Его не было в живых, а я все получала его письма. Он писал мне после прорыва блокады Ленинграда:

«Не волнуйся, сестренка, береги своих дочек, я еще крепче буду биться за всех сирот, а если умру в бою, не плачь, дорогая, я дал адрес товарищу, он тебе напишет».

Когда Гриша погиб, мне написал его товарищ по имени Иван, а фамилию забыла. Он прислал письмо, видимо крепко уважал Гришу...

Дорогие мои ребята! От себя и от нашей семьи прошу вас, разыщите, где похоронен Гриша и сообщите мне!.. Спасибо вам за то, что вы беспокоитесь, чтобы такие люди, как мой брат, не были забыты!»

Вот еще одно письмо с Украины. На Днепропетровщине, в городе Первомайске, проживают родные погибшего в десанте Александра Кияшко. Пишет следопытам сестра — Нина Лазаревна:

«Двадцать восемь лет я, мама и сестра живем и гадаем, ночами не спим, нас мучает горе. И куда я только не писала, но пока ответа не было, на наше горе и муку. Из полевой почты 10504 пришло нам извещение, что Александр Лазаревич пропал без вести 14 февраля 1944 года. Но мы не верили этому. Он был очень храбрый и просто так затеряться не мог.

А сейчас вы прислали газету родственникам его друга, Николы Цепка, про десант под Нарвой. Вы, может быть, не знаете, что Александр и Коля Цепка с одного сельсовета и что они служили в одной части. Они оба свои последние письма отправили 7 февраля 1944 года, где писали, что выходят на боевое задание и писем пока не пишите. Вот и не пишем, а получили — пропал без вести! У нас к вам большая просьба: может, сможете установить, где погиб наш сын и брат, пусть мать знает, ей сейчас 74 года и легче будет на душе и умирать. Всю жизнь мы смотрим телевизор, читаем газеты в надежде уловить где-то хоть одно слово о нем. Мама хранит много его писем, есть и фото-

графии. На одном снимке (вырезан из газеты) они получают книги в библиотеке. Здесь сержант Засосов, старший краснофлотец Демичев, краснофлотец Кагоров, мой брат и библиотекарь.

Уважаемые пионеры! Мама моя неграмотная, не может написать и прочитать. Она живет в деревне, недалеко от нас. Когда я поеду в деревню и раскрою письма Саши, то не могу читать, как они жили и надеялись на победу и какая сильная любовь была к маме...

Помогите, пожалуйста, снять камень с души, особенно моей старенькой маме, которая потеряла единственного сына! Жду, детки, и не дожусь от вас весточки. Извините, что плохо пишу, сквозь слезы. Если есть адрес Засосова, сообщите нам.

Кияшко Нина Лазаревна.

Да, не вернулись с войны в родные места ни Александр Кияшко, ни Николай Цепка. Оба друга, оба однополчанина и односельчанина до конца выполнили солдатский долг. Пока никто из оставшихся в живых десантников не смог назвать имени Николая Цепка, точно сказать, в какое время и в каком месте оборвалась его жизнь. Это вполне понятно. Ведь в живых-то осталась горсточка людей! Они сражались в разных местах и могли его не видеть, а может, за временем и память истерлась?! За это нельзя никого упрекнуть...

Все, что нам стало известно о судьбе Саши Кияшко, сказано выше.

Но матери, родные и земляки должны знать, что не пропали без вести Александр Лазаревич Кияшко и Николай Тимофеевич Цепка! Они, так же как и многие другие десантники, чьи имена не названы в этой книге, сражались с ненавистным врагом до конца. Их мужество не могли сломить ни ледяная вода, ни мороз, ни голод, ни раны. Они не просили пощады у врага, не отступали перед ним. Они сражались, как былинные герои, и в полной мере внесли свой вклад в нашу общую победу.

...Безостановочно бегут дни, месяцы, годы. Прошло шесть лет уже с тех пор, как в Мерекюла установлен памятник морским пехотинцам.

Студия кинолюбителей Дома культуры имени С. М. Кирова города Силламяэ под руководством Григория Михайловича Таратынова создала документальный фильм «Бес-

смертный десант». Фильм удостоен второй премии на республиканском смотре любительских работ к 60-летию Советских Вооруженных Сил.

За эти годы еще заметнее преобразилась земля, где когда-то сражались десантники. Люди раскорчевали пни и кустарники, осушили болота, и теперь здесь раскинулись обширные колхозные поля, на которых деловито гудят трудяги трактора.

На горизонте внушительная шеренга труб выбрасывает в небо белесые шлейфы дыма и пара. Это новая, самая мощная на северо-западе страны Прибалтийская ГРЭС имени Ленинского комсомола.

По реконструированному шоссе Таллин — Нарва течет нескончаемый поток автобусов, фургонных, легковых автомобилей.

Яркие цвета машин, солнечные блики никеля и стекла. Настоящий калейдоскоп красок. Жизнь, красивая и счастливая, бурлит вокруг.

Изменились и люди.

Те пионеры и школьники, что писали письма семьям десантников, давно уже окончили школу. Одни из них работают на заводах, другие учатся в институтах, третьи служат в армии. Некоторые успели обзавестись семьей.

Значительно поубавилось число людей, прошедших сквозь огонь войны, намного возросло тех, для которых Великая Отечественная — это история. Война все дальше уходит в прошлое.

Но героизм и мужество советских людей, проявленные в боях с фашизмом, останутся навечно в памяти народной.

К памятнику в Мерекюла и утром, и днем, и вечером подъезжают автобусы с туристами. Люди слушают рассказ экскурсовода о том, как был повержен рубеж «Танненберг», о беспримерном подвиге десантников. Им трудно представить себе, как эту красивую землю взрывали снаряды, но они знают: так было! Здесь замедляют свой бег и останавливаются свадебные вереницы «Чаек» и «Волг». Молодожены возлагают цветы к памятнику тех, кто не пощадил себя в бою за счастье народа.

В каждый праздник и юбилей люди несут к обелиску цветы, самые лучшие цветы Эстонии. Ежегодно 14 февраля, в годовщину высадки десанта, к памятнику приезжают учащиеся школы-интерната № 1 города Кохтла-Ярве. Девушки и юноши во флотской форме. Они торжественно стоят в почетном карауле. Это ритуал памяти.

В этой школе вот уже много лет работают морской клуб и музей боевой славы Балтийского флота. Такие же музеи организованы в школе № 1 города Нарвы, в школе № 4 города Силламяэ, в школе № 15 города Таллина. В них собраны фотографии и письма десантников, остатки оружия и касок, которые не успели истлеть в земле, медальоны, пуговицы и другие реликвии.

Пионеры школы № 4 города Силламяэ решили отличной учебой, примерным поведением и активным общественно полезным трудом завоевать право называть свою дружину «Дружина имени героев мерекюльского десанта». Возглавила это патриотическое движение ребят умелый воспитатель — Нина Яковлевна Метлицкая, пионервожатая школы.

Ребята собирают сведения о каждом десантнике, записывают их биографии, выступают с рассказами о героях. Они сочинили стихи, положили их на музыку, и теперь хор мальчиков и девочек исполняет на торжественных пионерских линейках собственную песню о моряках, чей подвиг воспет в граните у деревни Мерекюла.

Нет, время не всеильно. Оно не может противостоять памяти сердца. Подвиг советского воина в Великой Отечественной войне бессмертен.

СОДЕРЖАНИЕ

Пароль — «Мерекюла»	3
Нарвский рубеж. Февраль 1944 года	9
Десантники	12
Приказ на высадку	20
Бросок на берег	26
Удар	32
Путь на Репнику	36
Прорыв к Аувере	42
От Мерекюла до Лаагна	52
Батальон задачу выполнил!	62
Судьбы героев и встречи	66
Память сердца	73

Владимир Иванович Гримкевич
Разве можно забыть Мерекюла?

Заведующий редакцией *А. И. Котсленец*
Редактор *Л. И. Стебакова*
Младший редактор *И. А. Дегтярева*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
~~Художественный редактор~~ *В. П. Крылова*

ИБ № 1264

Сдано в набор 12.12.76. Подписано в печать 03.04.79. А00335. Формат 84 × 106^{1/2}/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая.
Услови печ. л. 4,41. Учетно-изд. л. 4,68. Тираж 100 тыс. экз.
Заказ № 3477. Цена 20 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Мясуская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.